

АЛЕКСЕЙ
КОРНЕЛЮК

ГОД БЕЗ ДОСТИЖЕНИЙ

РОМАН

Поиск себя

Алексей Корнелюк
Год без достижений

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Год без достижений / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Поиск себя)

Павлу Трофимову тридцать пять. У него есть работа, отношения, квартира, планы и ощущение, что всё вроде бы нормально. Именно это и пугает. Однажды на рабочей презентации Павел видит документ о том, как удерживать пользователей: тревогой, привычкой, страхом потери и обещанием будущей выгоды. И вдруг понимает: так устроено не приложение. Так устроена его жизнь. Работа держит его статусом. Любовь — страхом одиночества. Мать — словом «нормально». Друзья — сравнением. А внутри давно звучит автоматическое: «Да, конечно». Павел увольняется и решает провести год без достижений. Не становиться лучше. Не искать предназначение. Не доказывать никому свою ценность. Просто остановиться и понять, кто он, если перестать быть полезным, удобным и всё время идущим вперёд. «Год без достижений» — роман о человеке, который отказался от гонки, чтобы впервые услышать себя.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Корнелюк

Год без достижений

Год без достижений

Павел Трофимов увидел свою жизнь на семнадцатом слайде. До этого были обычные корпоративные картинки: стрелки, воронки, проценты, довольные человечки без лиц, похожие на тех людей из инструкций по безопасности, которые всегда правильно падают, правильно горят и правильно эвакуируются из самолёта, если самолёт ещё не стал факелом. Семнадцатый слайд назывался «Карта удержания пользователя». Павел сначала даже не понял, почему у него внутри неприятно щёлкнуло, будто где-то за стеной включили старую проводку. Слайд был как слайд: белый фон, аккуратные блоки, серые линии, синий логотип компании в углу, который они уже третий год пытались сделать «более человечным», но он всё равно выглядел как печать на справке о смерти. В центре стоял круг с надписью «Пользователь хочет уйти». От круга расходились стрелки. «Напомнить о незавершённом действии». «Показать потерянную выгоду». «Активировать социальное сравнение». «Снизить тревогу выбора». «Предложить маленькую награду». «Вернуть в привычный сценарий». Всё это было написано тем спокойным языком, каким люди описывают вещи, за которые в другой эпохе могли бы хотя бы краснеть.

В переговорке на двадцать первом этаже было холодно. Не метафорически, а по-настоящему: кондиционер работал так, будто мстил всем за глобальное потепление лично. На стеклянной стене отражались лица сотрудников отдела стратегий — бледные, аккуратные, слегка измученные, с выражением людей, которые давно научились внимательно смотреть туда, где им платят зарплату. У всех были ноутбуки, стаканы с кофе, телефоны экраном вниз, чтобы казалось, будто они здесь присутствуют добровольно. За окном висел город: высотки, мост, мокрые крыши, машины внизу, крошечные и занятые, как муравьи, которым забыли сообщить, что муравейник давно превратили в бизнес-центр класса А.

— Вот здесь, коллеги, важно не давить, — говорил Кирилл Сергеевич, руководитель продукта, человек с бородой, дорогими кроссовками и вечной интонацией психотерапевта, который на самом деле продаёт ножи. — Пользователь не должен почувствовать, что мы его удерживаем. Удержание работает только тогда, когда воспринимается как забота.

Кто-то кивнул. Кто-то записал. Кто-то сделал вид, что записал, а сам, наверное, отвечал жене, любовнику, курьеру или внутреннему судебному приставу, который у каждого взрослого сидит где-то между желудком и календарём.

Павел смотрел на слайд и вдруг подумал: мать тоже никогда не давит. Она просто говорит: «Ну как знаешь». И после этого «как знаешь» у него уже десять лет не было ни одного настоящего знания, только желание немедленно приехать, починить кран, купить таблетки, посидеть за столом, где пахнет луком, старым полотенцем и обвинением без формального состава. Лена тоже не удерживала. Она просто молчала после его фраз «давай потом обсудим», и в этом молчании было больше архитектуры, чем во всём районе, где они снимали квартиру. Работа тем более никого не держала. Работа была современная, гибкая, с заботой о ментальном здоровье, корпоративным психологом по четвергам и возможностью выбрать цвет аватарки в системе отпусков. Но стоило представить, что он отсюда уйдёт, как внутри поднималось чувство, будто его выведут из тёплого освещённого здания в ночь, где на нём не будет ни должности, ни зарплаты, ни объяснения, почему он ещё имеет право считать себя взрослым человеком.

— Паш, ты с нами? — спросил Кирилл Сергеевич.

Павел поднял глаза. Все смотрели на него. Не все, конечно. В компаниях никто никогда не смотрит на тебя полностью: часть человека смотрит на экран, часть — на свою роль, часть — на то, не слишком ли долго ты молчишь. Но всё равно на секунду ему показалось, что переговорка стала линзой, а он оказался маленьким насекомым, которое кто-то решил рассмотреть из вежливого любопытства.

— Да, конечно, — сказал Павел.

Фраза вышла так быстро, что он сам не успел в ней поучаствовать. Это было даже не согласие. Это был рефлекс. Как моргнуть, когда в глаз летит пыль. Как втянуть живот в лифте с зеркалом. Как улыбнуться человеку, которого не рад видеть, но с которым ещё нужно когда-нибудь обменяться чем-нибудь полезным.

— Отлично, — сказал Кирилл Сергеевич. — Тогда ты возмёшь блок по мягкому возврату. Там надо тонко, без агрессии. У тебя хорошо получается писать человеческим языком.

Павел снова хотел сказать «да, конечно», но успел прикусить внутренний язык. Внешний остался цел. Он кивнул. Кивок был меньше фразы, но честнее от этого не стал.

На экране появился следующий слайд: «Пять причин, почему человек возвращается». Павел почему-то не мог оторваться от предыдущего, хотя его уже не было. Семнадцатый слайд как будто отпечатался с внутренней стороны века. Пользователь хочет уйти. Напомнить о незавершённом действии. Показать потерянную выгоду. Активировать социальное сравнение. Вернуть в привычный сценарий.

Он вспомнил, как Лена две недели назад сказала: «Нам надо понимать, куда мы движемся». Она говорила это не страшно, не истерично, не как женщины в плохих сериалах, которые обязательно стоят у окна в рубашке мужчины и требуют судьбы. Лена сидела на кухне в спортивных штанах, ела йогурт прямо из банки и держала ложку так, будто готова была ей защищаться, если разговор окончательно выйдет из-под контроля. Ей было тридцать четыре. Она работала архитектором интерьеров, умела видеть в пустой комнате будущий свет и совсем не умела видеть в Павле пустоту, если он аккуратно ставил перед ней слова, как мебель: «давай не спешить», «сейчас сложный период», «у нас всё нормально», «просто много работы». Тогда она сказала: «Ты всё время говоришь “нормально” так, будто сдаёшь отчёт». Он обиделся. Не потому что она была неправа, а потому что точность вообще редко воспринимается как подарок.

— Сегмент тех, кто возвращается из чувства вины, нельзя перегревать, — продолжал Кирилл Сергеевич. — Если человек чувствует, что им манипулируют, он уходит уже окончательно. Нам нужно создать ощущение, что возвращение — его собственный выбор.

Павел посмотрел на руки. Обычные руки мужчины тридцати пяти лет: не рабочие, не красивые, не старые, с маленьким шрамом у большого пальца, который он получил лет в двенадцать, когда открывал консервную банку без открывалки, потому что отец сказал: «Мужик должен уметь». Отец умер семь лет назад, но фраза всё ещё иногда открывала в Павле банки, двери, кредиты и чужие ожидания. Мужик должен уметь. Мужик должен держаться. Мужик должен не ныть. Мужик должен понимать, что работа есть работа, любовь есть компромисс, мать одна, здоровье не вечное, деньги не лишние, а глупости нужно выбрасывать из головы до того, как они станут поступками. Павел вдруг подумал, что отец не умер окончательно. Он просто перешёл на внутреннее вещание без рекламы.

На слайде мелькнул график: пользователи, которые пытались отменить подписку, но вернулись после цепочки напоминаний. Линия ползла вверх. Все в переговорке оживились: линия вверх всегда действовала на корпоративных людей почти эротически. В ней было обещание, что всё не зря. Что холод, кофе, усталость, слова «гипотеза», «спринт», «глубинная мотивация» и «давайте приземлим» ведут не в пустоту, а хотя бы в квартальный отчёт.

Павел работал в «Навиуме» пятый год. Компания занималась тем, что помогала другим компаниям делать людей предсказуемее. Официально это называлось «проектирование пользовательских сценариев». Неофициально никто никак не называл, потому что за точные неофициальные названия в приличных местах обычно не платят. Они изучали, где человек сомневается, где устаёт, где хочет закрыть вкладку, где ему можно показать скидку, где — чужой успех, где — таймер, где — заботливое письмо «Мы скучаем». Павел когда-то даже гордился этой работой. Ему казалось, что он разбирается в людях. Потом оказалось: разбираться

в людях на работе гораздо проще, чем хотя бы раз честно спросить себя, почему в воскресенье вечером у него так сжимается грудь, будто понедельник — не день недели, а человек с правом входить без стука.

— Теперь смотрите, — сказал Кирилл Сергеевич. — Самый тонкий слой. Пользователь не просто возвращается к продукту. Он возвращается к версии себя, которую продукт ему обещал. Тут важно не продавать функцию. Мы продаём продолжение идентичности.

Павел поднял голову.

Продолжение идентичности.

Он записал эту фразу в блокнот, хотя не собирался. Почерк вышел кривой: «продолжение идентичности». Рядом он машинально поставил точку. Потом ещё одну. Потом третью. Получилось многоточие, и он тут же разозлился на себя за эту мелодраму. В тридцать пять лет мужчина не должен ставить многоточия в рабочем блокноте во время презентации по удержанию пользователей. В тридцать пять лет мужчина должен понимать разницу между эмоцией и задачей, между усталостью и слабостью, между паузой и провалом. В тридцать пять лет мужчина уже обязан быть кем-то устойчивым, хотя бы достаточно устойчивым, чтобы не узнавать себя в схеме возврата клиента после попытки отменить подписку.

— Паша, ты точно с нами? — тихо спросила рядом Оксана из исследований.

Она сидела слева, пахла мятной жвачкой и дорогим кремом для рук. У неё были очень внимательные глаза человека, который всю жизнь изучал чужие ответы, но собственные вопросы держал в отдельной папке без доступа.

— Да, — сказал Павел. — Просто думаю.

— Опасно, — сказала она. — У нас это не согласовано.

Он почти улыбнулся. Почти — это вообще была его основная форма участия в радости. Полная улыбка требовала внутреннего согласия, а Павел давно жил на пробных версиях реакций.

Кирилл Сергеевич дошёл до финального блока. На экране появилось большое слово «ВЫВОДЫ». Под ним четыре пункта. Первый: «Не спорить с желанием уйти». Второй: «Поддержать тревогу, но не назвать её тревогой». Третий: «Дать пользователю маленький контролируемый выбор». Четвёртый: «Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый».

Вот на четвёртом пункте у Павла стало холодно уже не от кондиционера. Вернуть до того, как построит новый. Он вдруг увидел, как это работает везде. Город возвращает человека пробками и маршрутами. Квартира — тапками у двери, грязной кружкой, недоплаченным интернетом. Отношения — общими шутками, привычкой покупать один и тот же сыр, страхом объяснять родным, почему вы больше не вместе. Мать — голосом, в котором любая просьба уже заранее простила тебя, чтобы ты чувствовал себя ещё хуже. Друзья — вопросом «ну что у тебя?», где правильный ответ не подразумевает правды, только краткую сводку стабильности. Работа — календарём. Календарь вообще был величайшим устройством удержания, изобретённым человеком: аккуратные клеточки, в которых жизнь перестаёт быть страшной, потому что ей назначили время.

Он посмотрел в свой календарь на экране ноутбука. Сегодня: презентация по удержанию, встреча с командой креатива, согласование текстов, обед с Даней, созвон с подрядчиком, вечером — к Лене заехать в магазин за лампочками, потому что в коридоре перегорели две из трёх и квартира стала похожа на учреждение, где ещё не решили, лечить тебя или уже списать. Завтра: планёрка, интервью с пользователями, звонок матери, стоматолог. Послезавтра: квартальный отчёт, ужин с друзьями. Всё было заполнено. Не плотно даже. Прилично. Как шкаф, где вещи лежат аккуратно, но если открыть не ту полку, на тебя вывалится десять лет чужой пыли.

— Вопросы? — спросил Кирилл Сергеевич.

Все молчали. Не потому что вопросов не было. Вопросы в корпорациях делились на три вида: те, которые задают, чтобы показаться вовлечённым; те, которые не задают, чтобы не полу-

чить задачу; и те, которые нельзя задавать, потому что тогда придётся увольняться, разводиться или хотя бы выходить на улицу без наушников. Павел почувствовал, что у него в груди есть вопрос третьего типа.

— Есть, — сказал он.

Голос прозвучал неожиданно громко. Оксана повернула голову. Кирилл Сергеевич ожил, как человек, который надеялся на хороший рабочий диалог, не подозревая, что сейчас в комнату может войти не диалог, а что-то босое и неуместное.

— Да, Паш?

Павел смотрел на экран. Там всё ещё висел пункт: «Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый».

— А если пользователь не хочет возвращаться? — спросил он.

Кирилл Сергеевич улыбнулся. Улыбка у него была тренированная, гибкая, с амортизацией. Такой улыбкой можно было принять почти любой вопрос и безопасно положить его обратно в презентацию.

— Для этого мы и смотрим на причины ухода. Часто человек не хочет уходить от продукта. Он хочет уйти от фрустрации, которую связывает с продуктом. Наша задача — снизить фрустрацию.

— Нет, — сказал Павел. — Я не про фрустрацию. Если он правда не хочет возвращаться.

В переговорке стало чуть тише. Даже кондиционер, кажется, снизил обороты, чтобы послушать, чем закончится этот маленький несогласованный сбой.

— Тогда это не наш пользователь, — сказал Кирилл Сергеевич после короткой паузы.

Ответ был правильный. Чистый. Рабочий. В нём не было ни жестокости, ни сомнений. Только классификация. Если человек не возвращается, он просто больше не твой. Можно не скорбеть. Можно построить новый сегмент. Можно вынести его за скобки. В этом была вся утешающая мерзость аналитики: она не отрицала потерю, она просто меняла масштаб, пока потеря не становилась допустимой погрешностью.

Павел кивнул. На этот раз кивок был уже совсем чужой.

После презентации все начали вставать, собирать ноутбуки, шутить про кофе, переносить встречи, возвращаться в привычные сценарии с той скоростью, с какой тело возвращается к дыханию после кашля. Оксана задержалась рядом.

— Ты странный сегодня, — сказала она.

— В каком смысле?

— В человеческом. Обычно ты странный только профессионально.

— Это плохо?

— Для проекта — не знаю. Для тебя, возможно, полезно.

Она ушла, оставив после себя запах мяты и фразу, которую Павел не захотел поднимать с пола. Он остался в переговорке один. С экрана уже исчезла презентация; там снова была заставка с логотипом «Навиума» и слоганом: «Мы помогаем людям продолжать». Когда Павел впервые устроился сюда, этот слоган казался ему тёплым. Теперь он звучал как угроза, произнесённая голосом заботливого автоответчика.

Он закрыл ноутбук и вдруг заметил на столе бейдж. Свой. Прозрачный пластиковый прямоугольник с синей лентой, фотографией, штрихкодом и надписью: «Павел Трофимов. Отдел стратегий». Фотография была трёхлетней давности. На ней он выглядел свежее, чем сейчас, но уже достаточно уставшим, чтобы нельзя было списать всё на последние месяцы. Он взял бейдж в руку. Пластик был тёплый. Точнее, не тёплый — нагретый его же телом. Вот так и держат людей, подумал он. Сначала вешают на шею карточку, чтобы ты мог проходить через турникет. Потом ты начинаешь думать, что без карточки тебя вообще никуда не пустят.

Телефон завибрировал. Лена.

«Ты сегодня во сколько?»

Он посмотрел на сообщение. Нормальный вопрос. Домашний. Без подтекста, если не знать их последние три года, а если знать — с таким количеством подтекста, что под ним можно было строить подземный торговый центр.

Павел начал писать: «Часов в восемь, давай заеду за лампочками». Потом стёр. Написал: «Не знаю». Снова стёр. Открыл заново клавиатуру. Пальцы зависли над экраном, как сотрудники отдела стратегий над пользовательским поведением. Нужно было снизить тревогу выбора. Дать маленький контролируемый ответ. Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый.

Он усмехнулся. Очень тихо. Не весело.

В коридоре за стеклом прошёл Даня из креатива с двумя стаканами кофе и лицом человека, который считает цинизм разновидностью энергии. Увидел Павла, постучал костяшками по двери.

— Живой? — спросил он, просунув голову.

— Проверяю.

— Слушай, Кирилл сказал, ты берёшь мягкий возврат. Я тебе потом скину мысли. Там можно сделать классную цепочку: «Мы заметили, что вы давно не заходили». Ну, типа: мы не давим, но нам грустно.

— Нам грустно, — повторил Павел.

— Да. Люди любят, когда по ним скучают сервисы. У людей вообще проблемы с нежностью, поэтому даже приложение доставки может стать почти родственником.

— Почти родственники обычно тоже удерживают.

Даня прищурился.

— Ты сегодня философский. Это от недосыпа или от недостатка денег?

— От семнадцатого слайда.

— А. Бывает. Я однажды после презентации про финансовые привычки три дня не мог купить сыр без ощущения, что участвую в капитализме. Потом прошло.

— И как?

— Купил сыр дороже. Капитализм победил, но вкусно.

Павел кивнул. Даня ушёл, потому что у него была встреча, а у встреч есть удивительное свойство спасать людей от продолжения собственных мыслей. Павел остался. Телефон снова мигнул. Лена поставила вопросительный знак. Один. Не агрессивный. Но один вопросительный знак от близкого человека иногда тяжелее, чем налоговое уведомление. В нём нет текста, зато есть история.

Он написал: «Буду позже». Посмотрел. Добавил: «Надо кое-что доделать». Это была ложь, но из тех ложей, которые общество давно признало строительным материалом. Лена ответила не сразу. Потом прислала: «Ок». Две буквы. Маленькая капсула с ядом нормальности.

Павел вышел из переговорки. Коридор был длинный, светлый, с ковролином, который глушил шаги и, кажется, мысли тоже. На стенах висели мотивационные плакаты нового типа: без пошлых горных вершин и людей, прыгающих над пропастью. Здесь были аккуратные фразы на матовом фоне: «Сначала человек», «Сложное делаем понятным», «Рост начинается с внимания». Павел прошёл мимо них и впервые увидел не лозунги, а команды. Сначала человек — но какой именно? Сложное делаем понятным — чтобы с ним было проще работать? Рост начинается с внимания — чьего внимания к кому? В любой фразе, если смотреть достаточно долго, начинает шевелиться её настоящий хозяин.

У турникета он приложил бейдж. Писк. Зелёная стрелка. Разрешение на выход. Смешно: даже уход с работы требовал подтверждения, что система тебя узнала. Павел прошёл и остановился в холле. Люди входили, выходили, держали стаканы, сумки, телефоны, лица. У каждого была траектория. У каждого — причина. Или хотя бы календарь, который временно исполнял обязанности причины.

На улице начинался дождь. Мелкий, почти невидимый, тот самый, который не считается погодой, но через десять минут делает человека жалким. Павел не раскрыл зонт. Зонт лежал в рюкзаке, но достать его означало согласиться с тем, что дождь имеет к нему отношение. Он пошёл без зонта, чувствуя, как капли садятся на волосы, на воротник, на лицо. Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопами, кофе из ближайшей точки и октябрём, который ещё не наступил официально, но уже прислал своих людей проверить помещение.

Он дошёл до перехода и встал на красный. Рядом женщина говорила в телефон: «Да, мам, я заеду, конечно». Мужчина в пальто кому-то писал: «Без проблем, сделаю сегодня». Девушка с мокрыми волосами сказала в голосовое: «Мне нормально, правда». Павел стоял между ними и вдруг почувствовал, что город не шумит. Город отвечает. Миллионы маленьких «да» поднимались из машин, офисов, квартир, кафе, чатов, подъездов, как пар из канализационных люков. Да, конечно. Без проблем. Мне нормально. Как скажешь. Я разберусь. Потом. Не сейчас. Ничего страшного. Все так живут.

Загорелся зелёный. Люди пошли. Павел не пошёл. Не из протеста. Не из просветления. Просто ноги на секунду не получили команды. Поток обогнул его раздражённо и быстро, как вода обходит камень, который сам виноват, что лежит не там. Кто-то толкнул плечом. Кто-то выругался без адреса. Павел посмотрел на противоположную сторону улицы. Там мигала вывеска аптеки: «Заботьтесь о себе каждый день». Ниже — реклама кредита: «Начните новую жизнь уже сейчас». Ещё ниже, на остановке, плакат с улыбающимся мужчиной: «Ваш лучший год начинается с плана».

Он засмеялся. Один раз. Коротко. Так, что женщина рядом испуганно посмотрела и чуть отодвинулась. Смех получился не весёлым, а техническим, как звук ошибки в старой программе.

Светофор снова стал красным. Павел достал телефон и открыл заметки. Большой палец сам нашёл пустую строку. Он написал: «Год без достижений». Посмотрел на эти три слова. Они выглядели идиотски. Опасно. Почти неприлично. В мире, где даже сон можно было оптимизировать, а прогулку засчитать как заботу о продуктивности, фраза «без достижений» звучала как мелкое хулиганство против священного порядка взрослых людей.

Ниже он написал: «Проверка: что останется, если ничего не улучшать?»

Потом подумал и добавил ещё одну строку: «Не превращать это в проект».

Постоял. Стер последнюю строку. Она уже была проектом.

Загорелся зелёный. На этот раз он пошёл. Медленно. Не потому что понял что-то окончательно. Окончательные понимания вообще подозрительны: чаще всего это просто усталость, переодетая в философию. Он пошёл, потому что дождь усиливался, Лена ждала лампочки, Кирилл Сергеевич ждал блок по мягкому возврату, мать завтра ждала звонка, календарь ждал покорности, а где-то внутри, очень глубоко, под слоями чужих голосов и собственных оправданий, кто-то впервые за долгое время не сказал «да, конечно».

Он ничего не сказал.

И это молчание оказалось самым громким событием дня.

Глава 2. Да, конечно

Лампочки продавались в магазине «Домовой» между батарейками, удлинителями, крючками для полотенец и другими маленькими предметами, на которых держится иллюзия управляемой жизни. Павел стоял перед стеллажом с освещением и чувствовал себя человеком, которому предложили выбрать тип будущего по цоколю. Тёплый свет. Холодный свет. Нейтральный свет. Мягкий рассеянный. Энергосберегающий. Срок службы до пятнадцати тысяч часов. На упаковках улыбались комнаты: кухни, спальни, коридоры, гостиные — все они были наполнены правильным светом, который обещал, что если подобрать температуру свечения, то и внутри, возможно, перестанет быть похоже на склад несданных отчётов. Павел взял одну коробку, потом другую. На старой лампочке в коридоре у них была маркировка, которую Лена прислала фотографией, но фотография была размытая: палец, белое стекло, кусок её ладони и подпись «купи такие же, пожалуйста». Такие же. Взрослая жизнь вообще держалась на этом требовании: купи такие же, скажи как обычно, вернись вовремя, будь тем же человеком, которого мы вчера ещё как-то терпели.

Он открыл чат, увеличил фотографию, прищурился. Рядом женщина лет шестидесяти выбирала батарейки с выражением лица сапёра. В тележке у неё лежали губки, корм для кота, рулон пакетов для мусора и календарь на следующий год с видами Италии. Видимо, Италия теперь продавалась как настенное обещание: двенадцать месяцев смотреть на места, где ты не находишься, пока выбрасываешь кошачий наполнитель в пакет повышенной прочности.

— Молодой человек, вы не знаете, эти подойдут для пульта? — спросила женщина, показывая упаковку батареек.

Павел посмотрел. На упаковке было написано AAA. На её старой батарейке, которую она держала в другой руке, тоже было AAA. Казалось бы, человечество могло справиться с этой задачей без привлечения постороннего мужчины. Но в её голосе было не про батарейки. Там было что-то старое, привычное: мир слишком быстро меняется, пульты становятся тоньше, дети звонят реже, продавцы куда-то исчезли, а человек с лицом сына чужой женщины стоит рядом и ещё не успел убежать.

— Да, подойдут, — сказал Павел.

— Точно?

— Точно.

— А то купишь, придёшь домой, а они не те. И обратно идти. У меня ноги уже не те.

— Эти те.

Она посмотрела на него с благодарностью, не соразмерной батарейкам.

— Спасибо вам.

— Не за что.

— Сейчас всё такое сложное стало. Раньше батарейки были батарейки. А теперь смотришь — и будто экзамен сдаёшь.

Он хотел сказать что-нибудь лёгкое, магазинное, безопасное. «Да, выбор большой». Или «зато технологии». Или «сейчас всё так». Вместо этого услышал собственный голос:

— Просто нас теперь везде заставляют выбирать, чтобы мы не заметили, что главное уже выбрали за нас.

Женщина посмотрела на него. Долго. Потом медленно положила батарейки в тележку.

— Вам бы отдохнуть, — сказала она.

— Мне уже говорили.

— Значит, видно.

Она покатила тележку дальше, в сторону пакетов и швабр, оставив Павла одного перед лампочками. Ему стало неловко. Не за фразу даже, а за то, что он произнёс её незнакомой

женщине у стеллажа с энергосберегающим освещением. Есть мысли, которым не место среди бытовой химии. Они начинают выглядеть как психическое расстройство со скидкой по карте постоянного покупателя.

Он всё-таки выбрал две лампочки. Тёплый свет. Потому что холодного хватало на работе. На кассе молодая девушка с маленькой татуировкой на запястье пробила покупки и спросила:

— Пакет нужен?

— Нет.

— Карта магазина есть?

— Нет.

— Оформить?

Он уже открыл рот. Слово стояло наготове, как дрессированная собака.

— Нет, — сказал Павел.

Девушка не удивилась. Мир пережил его маленький отказ без видимых последствий. Потолок не обвалился. Очередь не зашипела. Система не выдала тревожный сигнал. Просто чек вылез из аппарата, тонкая белая кишка учёта, где было зафиксировано: две лампы светодиодные, одна жизнь не изменилась.

На улице дождь стал плотнее. Не ливень, а такая московская водяная пыль, которая не падает, а внедряется. Павел сунул лампочки в рюкзак и пошёл к метро. В переходе пахло мокрой одеждой, дешёвыми пирожками и человеческой спешкой. На стене висела реклама курса: «Стань новой версией себя за 8 недель». Ниже кто-то маркером приписал: «Старая ещё не оплачена». Павел остановился на секунду. Надпись была неровная, злорадная, почти нежная. Он хотел сфотографировать её, но не стал. Некоторые вещи умирают, если их превращают в контент. Они должны оставаться увиденными только одним человеком, и то случайно, иначе теряют сопротивление.

В вагоне не было свободных мест. Павел встал у двери, зажатый между мужчиной с рюкзаком, который пах мокрым собакообразным синтепоном, и девушкой с букетом цветов, завёрнутым в бумагу цвета медицинской тревоги. Мужчина в наушниках смотрел видео с человеком, который объяснял, как вставать в пять утра и зарабатывать больше. Звук просачивался наружу: «Главное — дисциплина. Вы должны...» Должны. Должны. Должны. Метро шло под землёй, и казалось, что голос тренера из телефона разносится не по вагону, а по канализационным трубам города, где уже давно поселилась секта утренних победителей. У Павла завибрировал телефон. Кирилл Сергеевич.

«Паш, набросай сегодня до полуночи первые варианты мягкого возврата. Завтра в 10 обсудим».

Павел смотрел на сообщение. В обычный день он ответил бы за три секунды: «Да, конечно». В продвинутый обычный день: «Ок, сделаю». В особенно честный обычный день: «Постараюсь сегодня». Все три варианта означали одно и то же: я позволяю вашей срочности стать моей ночью. Он поднял глаза. В стекле двери отражалось его лицо: мокрые волосы, тёмные круги, слегка приоткрытый рот человека, который никак не может решить, он ещё едет или уже перевозится.

Телефон снова мигнул. Кирилл добавил: «Если не сложно».

Если не сложно. Великая фраза насилия в мягкой упаковке. Ею можно переносить встречи, чужие обязанности, эмоциональные грузы, родительские ожидания, семейные праздники и рабочие задачи на полночь. Если не сложно — значит, сложно тебе должно стать стыдно. Если не сложно — значит, отказ будет выглядеть так, будто ты объявил себя мелочным. Павел набрал: «Сегодня не успею». Посмотрел. Стер. Набрал: «Могу завтра утром». Стер. Набрал: «Ок». Стер. Большой палец висел над клавиатурой, как маленький предатель с хорошей моторикой.

Рядом девушка с букетом сказала в телефон:

— Да, я почти приехала. Нет, нормально. Ну я же сказала, нормально.

В её голосе слово «нормально» было уже не словом, а белым флагом на грязной палке.

Павел написал: «Кирилл, сегодня не возьму. Завтра после планёрки могу обсудить сроки».

Он прочитал сообщение два раза. Оно выглядело грубо. Потом слишком мягко. Потом как заявление о независимости на языке человека, который всё ещё боится за премию. Он нажал «отправить» до того, как успел сделать из текста покорное животное.

Ответ пришёл через минуту.

«Ок. Тогда завтра».

И всё. Никакого взрыва. Никакого «Паша, мы рассчитывали». Никакого «не командный подход». Никакой чёрной метки от отдела кадров. Просто «Ок». Павлу стало даже обидно. Сколько лет он таскал в себе катастрофы, которые в реальности занимали три буквы и точку? Хотя точки Кирилл не поставил. Значит, возможно, всё-таки злился. Павел поймал себя на том, что пытается прочесть отсутствие точки как приговор, и устало усмехнулся. Человек, выросший на недосказанной вине, способен найти обвинение даже в пунктуации.

Дома в коридоре горела одна лампочка из трёх, поэтому квартира встречала его полувинчатым светом, как больница в экономичном режиме. Лена сидела на кухне за ноутбуком. На столе были чертежи, чашка с остывшим чаем, тарелка с двумя кусками сыра и яблоко, надкушенное так аккуратно, будто его не ели, а редактировали. Лена подняла глаза.

— Купил?

— Да.

— Спасибо.

Она сказала это спокойно. Не холодно, не тепло. В их отношениях давно появилась температура «комнатная»: вроде не мёрзнешь, но и согреться невозможно. Павел достал лампочки из рюкзака и положил на стол. Лена взяла одну коробку, посмотрела.

— Это такие же?

Он посмотрел на коробку. На её лицо. На лампочку. На слово «такие же», которое вдруг стало не про свет.

— Не знаю, — сказал он. — Похожие.

— Похожие или такие же?

— Лена, я не эксперт по лампочкам.

— Я просто спросила.

— Я просто ответил.

Она медленно положила коробку обратно. Вот так обычно начинались их маленькие семейные войны без официального статуса семьи: не с измен, не с криков, не с разбитой посуды, а с предмета за двести девяносто рублей и неправильной интонации.

— Ты сегодня странный, — сказала она.

— Сегодня это уже третий отзыв.

— Может, стоит прислушаться.

— К потребительским отзывам?

— Паш.

Она произнесла его имя так, будто ставила стакан на край стола. Осторожно, но с ожиданием падения.

Он сел напротив. Кухня была маленькая, с серыми фасадами, которые они выбирали вместе два года назад, потому что серый «не надоест». Серый действительно не надоел. Он просто не начинался. На подоконнике стоял базилик, который Лена регулярно пыталась спастись, а Павел регулярно забывал поливать, и поэтому растение выглядело как метафора совместного быта, слишком очевидная даже для плохого романа. На холодильнике висел магнит из Калининграда, куда они ездили в отпуск и почти не ругались, если не считать последний

вечер, когда Павел открыл рабочую почту за ужином, а Лена сказала, что море с ним разговаривает внимательнее, чем он с ней.

— У тебя что-то случилось? — спросила она.

— Нет.

— Тогда что?

Он хотел сказать «устал». Это было безопасно. Усталость у взрослых считается уважительной причиной почти для всего, кроме настоящих изменений. Устал — можно быть грубым, молчать, не хотеть секса, забыть купить хлеб, не звонить матери, ненавидеть человечество в пределах квартиры. Но усталость предполагает, что потом ты отдохнёшь и снова станешь прежним. Павел не был уверен, что хочет становиться прежним.

— Я сегодня увидел на работе одну схему, — сказал он.

Лена молчала.

— Про удержание пользователей. Ну, как сделать так, чтобы человек не ушёл из приложения.

— И?

— И понял, что это похоже на жизнь.

Она закрыла ноутбук. Не резко. Но звук крышки получился окончательным.

— На чью жизнь?

— На мою.

— В каком смысле?

Павел посмотрел на лампочки. Две коробки. Тёплый свет. Срок службы до пятнадцати тысяч часов. В теории, если вкрутить их сегодня, они могли пережить их отношения, его работу и, возможно, несколько новых версий самого Павла, если он когда-нибудь научится выпускать обновления без потери данных.

— В смысле, что я всё время возвращаюсь в привычные сценарии. Даже когда не хочу. Работа, разговоры, планы, обещания. Как будто есть какая-то система, которая меня всё время мягко возвращает.

Лена смотрела на него внимательно. Так архитектор смотрит на стену, в которой подозревает трещину: внешне всё нормально, но звук уже не тот.

— Ты опять хочешь уволиться? — спросила она.

— Почему опять?

— Потому что ты это уже говорил. Год назад. И два года назад. И когда у вас поменяли руководство. И когда Даню повысили. И когда тебе дали проект, который ты сам потом назвал «мясорубкой с дружелюбным интерфейсом».

— Хорошая была формулировка.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Она устало потерла лоб.

— Паш, я понимаю, что тебе тяжело. Правда. Но мне иногда кажется, что ты всё время говоришь о жизни так, будто тебя в неё кто-то записал без согласия. А кто должен был спросить? Мы все как-то живём. Работаем. Устаём. Решаем вопросы. Покупаем лампочки, чёрт возьми.

— Вот именно.

— Что именно?

— Мы покупаем лампочки так, будто это доказательство, что всё продолжается.

Лена посмотрела на него с той смесью любви и раздражения, которая появляется у людей, давно знакомых с твоими внутренними выкрутасами и уже не способных решить, где там боль, а где просто привычка говорить красиво, чтобы не делать конкретно.

— Мне нужен свет в коридоре, Паш. Не философия лампочки.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Потому что для тебя сейчас лампочка — символ. А для меня это вещь, из-за которой я третий день не вижу нормально ключи в сумке.

Он замолчал. Это было справедливо. И отвратительно именно потому, что справедливо. Большие внутренние кризисы часто выглядят идиотами рядом с бытовыми задачами. Ты стоишь на краю осознания, что твоя жизнь не твоя, а кто-то рядом просит наконец заменить лампочку, потому что темно. И он прав. Темно же.

— Я сейчас вкручу, — сказал Павел.

— Спасибо.

Он взял коробки, вышел в коридор, принёс табуретку. Лена осталась на кухне. Павел выкрутил старую лампу. Стекло было тёплое, почти живое. Он вкрутил новую. Щёлкнул выключателем. Свет загорелся — жёлтый, мягкий, чуть более уютный, чем заслуживал этот коридор. На стене сразу стали видны мелкие пятна, царапина у выключателя, пыль на верхней полке, криво висящий крючок для ключей. Хороший свет, подумал Павел, не делает жизнь красивее. Он просто показывает, что именно надо чинить.

— Работает? — крикнула Лена из кухни.

Он посмотрел на освещённый коридор.

— Да.

— Вторую тоже вкрути, пожалуйста.

Он уже стоял на табуретке. Во рту появился готовый ответ.

— Да, конечно, — сказал Павел.

И замер.

Фраза повисла в новом тёплом свете, как насекомое в янтаре. Лена, кажется, ничего не заметила. Для неё это было обычное «да, конечно». Для него — маленький донос. Он только что поймал себя с поличным: система работала без перебоев. Не нужно было начальника, матери, презентации, корпоративной карты удержания. Достаточно табуретки, лампочки и просьбы женщины из кухни. Автоматическое согласие вышло из него раньше мысли, раньше желания, раньше даже раздражения. Оно было быстрее нервной системы.

Он вкрутил вторую лампочку. Свет стал ровнее. Коридор перестал быть полумёртвым. Квартира чуть ожила, и от этого Павлу стало хуже.

Телефон зазвонил, когда он складывал старые лампы в коробку. Мать. На экране высветилось «Мама», и внутренний диспетчер немедленно встал по стойке смирно, раскрыл папку с протоколом и приготовился выдавать голос хорошего сына.

— Возьмёшь? — спросила Лена из кухни.

— Да.

Он ответил.

— Паша, ты дома? — спросила мать.

— Да, дома.

— А чего голос такой?

— Какой?

— Уставший.

— Нормальный голос.

— Я же слышу.

Конечно, слышит. Матери вообще слышат не голос, а возможность предъявить заботу как улику.

— Всё нормально, мам.

— У тебя всегда нормально. Потом выясняется, что ничего нормального.

Павел закрыл глаза. В коридоре горели две новые лампочки, и от этого разговор с матерью стал похож на допрос в хорошо освещённом помещении.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Я хотела спросить, ты в субботу приедешь?

Суббота. В субботу они с Леной должны были ехать смотреть диван. Или не должны были, но планировали. Диван был одним из тех предметов, которые взрослые люди покупают не потому, что им негде сидеть, а потому что будущее требует материального подтверждения. Старый диван ещё служил. Скрипел, проваливался посередине, но служил. Новый диван должен был сказать: мы продолжаемся, у нас есть горизонт, мы выбираем ткань не на вечер, а на годы. Павлу хотелось ответить матери: «Не знаю». Не потому что он был занят. Потому что он действительно не знал, хочет ли в субботу быть сыном, покупателем дивана, мужчиной в отношениях, человеком с выходным днём, который расписан до того, как наступил.

— Паш? — сказала мать.

— Я не знаю пока.

На том конце стало тихо.

— В смысле не знаешь?

— В прямом. Пока не знаю.

— Ты же обещал.

— Я говорил, что постараюсь.

— Понятно.

Вот оно. Мягкий возврат. Напоминание о незавершённом действии. Показать потерянную выгоду: мать одна, годы идут, нормальные сыновья приезжают. Активировать социальное сравнение: сын Валентины Николаевны каждые выходные возит её на дачу, хотя у него двое детей и своя фирма. Снизить тревогу выбора: скажи просто «приеду», и всем станет легче. Вернуть в привычный сценарий до того, как он построит новый.

— Мам, не начинай.

— Я не начинаю. Я просто спросила.

— Ты сказала «понятно» таким тоном, что можно уже не продолжать.

— А каким тоном я должна говорить, если мой сын не знает, приедет ли к матери?

— Обычным.

— Обычным я говорю с соседкой. А с тобой я говорю как мать.

Павел посмотрел на кухню. Лена сидела неподвижно, но он знал: она слушает. Не потому что подслушивает. Просто в маленькой квартире чужая семейная вина не помещается в одну комнату.

— Я завтра скажу точно, — сказал он.

— Хорошо. Только мне надо понимать. Я хотела продукты купить.

— Какие продукты?

— Обычные. Ты же любишь курицу с картошкой.

Он не любил курицу с картошкой уже лет пятнадцать. В детстве любил. Потом перестал. Но мать продолжала готовить её каждый раз, когда он приезжал, потому что матерям легче кормить ребёнка, которого они помнят, чем мужчину, которого не понимают.

— Мам, не надо ничего специально покупать.

— Я поняла. Значит, ты не приедешь.

— Я этого не говорил.

— Паш, ты взрослый человек. Я тебя не заставляю.

Это была фраза-капкан высшего класса. «Я тебя не заставляю» означало: я уже сделала всё, чтобы ты почувствовал принуждение, но юридически останусь невиновной.

Он прислонился к стене. Новая лампа светила прямо на лицо. В коридорном зеркале он увидел себя: мужчина тридцати пяти лет, с телефоном у уха, в мокрой рубашке, с выражением человека, который не может отказать даже тогда, когда не согласился.

— Хорошо, — сказал он. — Я приеду.

— Ты точно?

— Да.

— Не из-за того, что я сказала?

— Нет, мам.

— А то я не хочу, чтобы ты потом думал, что я давлению.

Поздно, подумал Павел. Поздно не давить после того, как здание уже сдано в эксплуатацию.

— Я сам хочу, — сказал он.

Ложь прозвучала так естественно, что стало почти страшно. Мать сразу смягчилась.

— Ну вот и хорошо. Я тогда сделаю курицу.

— Угу.

— И Лена пусть приезжает.

— Я спрошу.

— Что значит спрошу? Вы же вместе.

— Мам.

— Всё, молчу. Целую.

— Пока.

Он отключился. Некоторое время стоял в коридоре, держа телефон в руке. Экран погас. В зеркале осталось только лицо и две новые лампы над ним, как маленькие прожекторы на сцене, где актёр забыл текст, но всё ещё пытается играть роль приличного человека.

Лена вышла из кухни.

— В субботу к маме? — спросила она.

— Похоже.

— Мы же собирались смотреть диван.

— Я помню.

— Паша.

— Что?

— Ты сам ей сказал?

Он хотел ответить: да. Потом понял, что это будет даже не ложь, а издевательство над словом «сам».

— Я сказал, что приеду.

— Это не ответ.

— А какой ответ тебе нужен?

— Тот, в котором ты хотя бы присутствуешь.

Он посмотрел на неё. Лена стояла в дверях кухни, скрестив руки. Не в позе обвинения, а скорее чтобы удержать себя на месте. На ней была старая зелёная футболка, волосы собраны в небрежный хвост, на щеке маленькая красная полоска от руки или подушки. Она была живая. Не символ. Не часть карты удержания. Не функция будущего. Живая женщина, которая тоже устала угадывать, где в нём человек, а где автоответчик.

— Я не знаю, как это остановить, — сказал Павел.

— Что?

— Всё время соглашаться.

Лена чуть изменилась в лице. Не смягчилась, нет. Просто услышала, что за бытовой ерундой действительно есть что-то другое. И это другое, возможно, опаснее ерунды.

— Тогда начни с малого, — сказала она. — Скажи мне честно: ты хочешь в субботу к матери?

Павел открыл рот.

Внутри поднялся хор. Мать. Лена. Отец. Кирилл. Друзья. Календарь. Суббота. Курица с картошкой. Диван. Хороший сын. Нормальный мужчина. Не драматизируй. Скажи нормально.

Не порть вечер. Потом разберёшься. Нельзя же из-за каждого желания устраивать революцию. Люди хуже живут. Мать одна. Лена права. Ты устал. Завтра будет легче. Купили лампочки, не надо теперь тушить весь дом.

— Нет, — сказал он.

Тишина в квартире стала такой плотной, что можно было услышать, как базилик на подоконнике принимает очередное неправильное решение о жизни.

Лена кивнула. Очень медленно.

— Вот, — сказала она. — Оказывается, умеешь.

— Это ничего не меняет.

— Меняет. Просто теперь придётся что-то делать с правдой.

Она вернулась на кухню. Павел остался в коридоре. Новые лампочки светили тепло и беспощадно. Он посмотрел на телефон. Хотел написать матери сразу: «Мам, я не приеду в субботу». Не написал. Большой палец открыл заметки. Там всё ещё были строки с улицы: «Год без достижений. Проверка: что останется, если ничего не улучшать?» Ниже он добавил: «Отказ № 1: сказал правду не тому человеку».

Потом подумал и стёр номер.

Нумерация была началом таблицы. Таблица — началом отчёта. Отчёт — началом нового отдела стратегий внутри его головы.

Он просто оставил фразу:

«Я не хочу в субботу к матери».

Смотрел на неё долго. Фраза была некрасивой. Неблагодарной. Непродающейся. Из таких не делают постеры и обложки ежедневников. Но она была живая. Маленькая, злая, стыдная, с мокрыми волосами, в чужом коридоре, под тёплым светом двух новых ламп.

Из кухни Лена спросила:

— Чай будешь?

Павел почти сказал: «Да, конечно».

Почти.

— Не знаю, — ответил он.

Лена усмехнулась. Впервые за вечер по-настоящему, без радости, но с чем-то похожим на облегчение.

— Уже прогресс.

Павел посмотрел на лампочки. На зеркало. На своё лицо. На телефон в руке. На дверь, за которой был город, работа, мать, суббота, диван, карта удержания пользователя и весь огромный вежливый аппарат, обученный возвращать человека туда, где он удобен.

— Нет, — сказал он тихо.

— Что? — спросила Лена из кухни.

— Ничего.

Он убрал телефон в карман и пошёл к ней. Чайник уже шумел. Вода внутри закипала, как маленькая бытовая катастрофа, которую все почему-то называют уютом.

Глава 3. Внутренний диспетчер

Утром Павел проснулся за восемь минут до будильника, что всегда казалось ему не победой организма, а мелким предательством. Тело могло бы честно дожидаться сигнала, дать человеку хотя бы последние восемь минут ничего не подозревать, но нет — оно заранее открывало глаза, поднимало из глубины мутную тревогу и говорило: приготовься. Будильник ещё молчал, за окном серел двор, батареи щёлкали с таким звуком, будто в стене кто-то маленький и ответственный пересчитывал кости дома, а Павел уже лежал на спине и смотрел в потолок. Потолок был белый, неровный, с тенью от люстры. Никаких откровений на нём не было. Никакого знака. Просто поверхность, которую человек видит чаще всего в те периоды жизни, когда делает вид, что спит, а сам репетирует будущие разговоры с теми, кому давно пора сказать правду и кого всё равно жалко.

Внутри сразу заговорили. Не голосом, конечно. Павел не слышал слов ушами, не видел ангелов корпоративной эффективности у изголовья, не собирался обращаться к специалисту с жалобой на посторонние команды в голове. Всё было проще и поэтому противнее. Мысли появлялись готовыми, отутюженными, как рубашки из химчистки. Надо написать матери. Надо сгладить. Надо сказать Лене, что вчера был тяжёлый день. Надо не раздувать. Надо на работе быть собранным. Надо сделать блок по мягкому возврату, даже если Кирилл сказал «завтра». Надо не выглядеть проблемным. Надо купить кофе, потому что без кофе будет хуже. Надо перестать думать о глупостях. Надо жить нормально.

Павел повернул голову. Лена спала рядом на боку, отвернувшись к стене. Волосы у неё выбились из хвоста и лежали на подушке тёмной спутанной линией. Во сне лицо у неё становилось моложе и злее: как будто дневная вежливость уходила вместе с сознанием, и оставался настоящий человек, который устал ждать, пока другой настоящий человек наконец выйдет из-под завалов своих объяснений. Павел хотел коснуться её плеча. Не с нежностью даже, а чтобы проверить: ещё здесь? Потом не стал. Любое прикосновение утром после неприятного разговора было похоже на дипломатическую ноту. Его можно было понять неправильно, правильно, слишком поздно или как просьбу отменить вчерашнюю правду.

Будильник зазвонил. Телефон завибрировал на тумбочке, и звук оказался таким обычным, что Павлу стало почти обидно. Вчера, казалось, в его жизни что-то треснуло, а телефон всё равно звонил той же мелодией, будто никакой трещины в расписании не предусмотрено. Он выключил будильник. На экране висели уведомления: сообщение от банка, скидка в магазине одежды, письмо от сервиса доставки с темой «Мы скучали», два рабочих чата, напоминание календаря: «Планёрка отдела стратегий — 10:00», сообщение от матери в 06:47: «Доброе утро. Я вчера, может, резко сказала. Просто переживаю». Сердечко она не поставила. Мать вообще не любила сердечки. Она предпочитала переживать без графических элементов.

Павел сел на кровати. Пол был холодный. Очень полезное качество пола: он не уговаривает, не мотивирует, не спрашивает, кем ты видишь себя через пять лет. Просто холодный и всё. Павел некоторое время сидел, поставив ноги на этот холод, и смотрел на сообщение матери. Внутренний диспетчер уже вытащил из шкафа несколько заготовок: «Всё нормально, мам, я тоже был не в духе». «Не переживай, я приеду». «Давай вечером созвонимся». «Люблю». Последнее слово он редко писал матери, потому что оно сразу превращалось в обязательство. Мать могла ответить: «И я тебя», а могла не ответить, и оба варианта открывали свои маленькие подземные этажи.

Он не ответил. Положил телефон обратно.

— Ты встал? — спросила Лена, не поворачиваясь.

— Угу.

— Кофе будешь?

Слово «будешь» опять открыло перед ним крошечный пункт выбора, и Павел почувствовал, как смешно это выглядит: мужчина тридцати пяти лет пытается не быть рабом автоматических согласий, начиная с кофе. Если бы кто-нибудь снимал про это фильм, зрители бы попросили вернуть им деньги.

— Не знаю, — сказал он.

Лена повернулась. Волосы прилипли к щеке. Она посмотрела на него сонно и почти без защиты.

— Ты теперь на всё будешь отвечать «не знаю»?

— Надеюсь, нет.

— Просто уточняю. Чтобы понимать, это у нас кризис или новая система управления домом.

— Кризис звучит живее.

— Система управления хотя бы полезнее.

Она села, потянулась за резинкой для волос. Между ними было странное утреннее перемирие. После вчерашнего «нет» ничего не рухнуло. Но и не прояснилось. Правда, произнесённая один раз, не делает человека свободным. Она просто добавляет в комнату новый предмет, о который все теперь будут спотыкаться.

На кухне Лена молча варила кофе. Павел стоял у окна и смотрел во двор. Внизу мужчина в серой куртке пытался вытащить из багажника детский велосипед, пакет с мусором и какую-то длинную палку, назначение которой было неизвестно даже ей самой. Ребёнок рядом бил ногой по луже. Женщина из соседнего подъезда шла с собакой, разговаривая по телефону так громко, будто хотела, чтобы весь двор подтвердил: да, Света опять всё неправильно поняла. Машины стояли тесно, мокро, без надежды. Двор был обычный, до боли обычный, но Павел вдруг увидел его как диспетчерскую схему: подъезд — машина — работа — магазин — дом — мусорный бак — аптека — детская площадка — снова подъезд. Люди двигались не хаотично, а по незримым маршрутам, которые казались личными только потому, что каждому дали свой ключ, свой пакет и свою причину опаздывать.

— Я вчера подумала, — сказала Лена.

Павел напрягся. Фраза «я подумала» в отношениях была примерно как звук сирены в учреждении: ещё неизвестно, пожар или проверка, но все уже ищут выходы глазами.

— О чём?

— Если ты правда не хочешь в субботу к маме, скажи ей сегодня. Не тяни до пятницы.

— Знаю.

— Нет, Паш. Ты не знаешь. Ты откладываешь, пока ситуация сама не становится сильнее тебя. А потом говоришь, что тебя вынудили.

Он взял кружку. Кофе был горячий, горький, правильный. Хотелось спрятаться за него как за документ с печатью.

— Ты сейчас говоришь про маму или про нас?

— Про механизм.

Она сказала это слово спокойно, без злости, и от этого оно попало точнее. Механизм. Вот что было страшно: не отдельные конфликты, не конкретная суббота, не лампочки, не диван, не мать. Механизм. Он мог менять лица, темы, комнаты, но работал одинаково. Сначала Павел не хотел. Потом не говорил. Потом уступал. Потом злился, что уступил. Потом наказывал всех своим молчанием. Потом чувствовал вину. Потом пытался быть хорошим. Потом снова не хотел. Отличная замкнутая система, почти экологичная: сама производит отходы, сама ими питается.

— Я скажу, — сказал он.

— Когда?

— Сегодня.

— До работы или после?

Он усмехнулся.

— Ты как мой календарь.

— Твой календарь, по крайней мере, добивается конкретики.

Это было почти смешно. Они даже оба чуть улыбнулись, но улыбка быстро свернулась. Лена поставила перед ним тарелку с тостом. Павел хотел сказать «спасибо», сказал. Это было простое слово, не подозрительное. Некоторые согласия ещё можно было оставить. Не надо было превращать жизнь в пограничный контроль, где каждую фразу проверяют на контрабанду удобства.

В метро Павел снова ехал стоя. Утренние люди отличались от вечерних тем, что ещё не успели полностью испортиться днём, но уже знали, что это неизбежно. Они держали стаканы, сумки, лица, чужие плечи. Женщина напротив читала книгу с названием «Как управлять своей энергией». Она выглядела так, будто энергия давно управляет ею через долговые обязательства. Рядом парень в деловом пальто смотрел в телефон и шептал: «Да, я уже в пути, да, успею, да, конечно». Павел почувствовал, как внутри что-то откликается на эти слова, как собака на свисток. Да, конечно. Фраза была не просто фразой. Она была пропуском. Сказал — и тебя пустили дальше. В работу, в отношения, в семью, в поездку, в день. Не сказал — и надо объяснять, кто ты такой без неё.

Он вышел на своей станции, поднялся по эскалатору, прошёл мимо продавца цветов, мимо кофейни, где бариста уже узнавал его по лицу и иногда спрашивал «как обычно?». Сегодня Павел специально свернул в другую кофейню. Очередь была длиннее, кофе хуже, но зато никто не знал его обычного. Перед ним мужчина заказал латте на овсяном, круассан, воду без газа и сказал: «И побыстрее, пожалуйста, у меня созвон». Павел подумал, что «у меня созвон» давно стало современным вариантом «у меня ранение»: все должны немного отодвинуться, дать проход, не задавать вопросов.

— Вам что? — спросила девушка за кассой.

Павел посмотрел на меню. Раф, флэт уайт, американо, фильтр, капучино, матча, какао на растительном, сиропы, размеры, добавки, молоко трёх видов, стакан свой или наш, крышка нужна или вы тут, карта лояльности, приложение. Маленькая вселенная выбора, в которой любой ответ был одновременно свободой и попаданием в базу данных.

— Чёрный кофе, — сказал он.

— Американо или фильтр?

— Просто чёрный кофе.

Она посмотрела на него с терпением человека, которому каждый день приходится объяснять населению, что простых вещей больше не существует.

— У нас американо или фильтр.

— Фильтр.

— Маленький, средний, большой?

Павел почти сказал «средний», потому что средний — это безопасная моральная позиция. Не жадный, не бедный, не слишком усталый, не слишком претенциозный. Человек среднего стакана обычно проходит через жизнь без лишней проверки.

— Маленький.

— Имя?

Он хотел сказать «Павел». Потом почему-то сказал:

— Никто.

Девушка подняла глаза. Секунду они смотрели друг на друга. Павел понял, что это прозвучало не как остроумие, а как просьба о помощи.

— Напишу без имени, — сказала она.

— Спасибо.

Он отошёл к стойке выдачи. Внутренний диспетчер немедленно отреагировал: зачем ты это сказал, странно выглядишь, люди не любят неловкость, не надо превращать заказ кофе в перформанс, ты не подросток, соберись. Павел слушал этот поток и вдруг впервые заметил в нём не содержание, а тон. Тон был не его. Точнее, не только его. В нём была мать, когда гости уже в прихожей, а он ещё не переодет: «Паша, ну пожалуйста, не позорь меня». В нём был отец, когда он уронил молоток: «Руки откуда растут?» В нём была учительница по математике: «Трофимов, вы способны, но ленитесь». В нём был первый начальник: «С клиентом не спорят, с клиентом работают». В нём была Лена, не словами, а усталостью. В нём были друзья, рекламные плакаты, банковские пуши, дедлайны, мужчины из подкастов про дисциплину, семейные праздники, где все спрашивают, когда уже следующий шаг. Внутренний диспетчер оказался не одним голосом, а целой сменой операторов. Они сидели в нём за пыльными пультами, передавали друг другу наушники, отмечали его ошибки в журнале и говорили: объект пытается отклониться от маршрута, вернуть мягко, без паники.

— Чёрный кофе, — позвали со стойки.

Без имени. Стакан стоял голый, без надписи. Павел взял его и почему-то почувствовал маленькое облегчение. Противное, смешное, но настоящее. На пять минут он был человеком без подписи на стакане. Потом приложил бейдж к турникету бизнес-центра, и эксперимент закончился.

В офисе всё было как всегда. Поэтому хуже. Слишком быстро жизнь умеет делать вид, что вчерашнее озарение было просто плохим самочувствием. У лифтов стояли люди из разных компаний: одинаково чистые, одинаково спешащие, с разными логотипами на шее, как домашние животные разных пород, принадлежащие одному хозяину. В лифте Павел оказался рядом с девушкой из юридического отдела и мужчиной из финансов, который всегда говорил по телефону так, будто спасает подводную лодку.

— Да, согласуем сегодня, — говорил мужчина. — Да, без проблем. Да, я понимаю. Да, конечно.

Павел чуть не рассмеялся. Внутренний диспетчер шикнул: не надо. Он послушался. Вот так всё и работало: даже смех проходил согласование.

На рабочем месте его ждали письма. Тема первого: «Мягкий возврат — первые идеи». Даня уже прислал наброски: «Кажется, вы что-то забыли», «Ваш прогресс ждёт вас», «Вернитесь, чтобы не потерять накопленное», «Мы сохранили для вас место». Павел прочитал и почувствовал, как каждая фраза попадает не в пользователя, а в него самого. Кажется, вы что-то забыли. Да. Себя, возможно, но это не проходило по тональности бренда. Ваш прогресс ждёт вас. Он ждёт с ремнём у двери. Вернитесь, чтобы не потерять накопленное. А что, если всё накопленное и есть то, от чего хочется уйти? Мы сохранили для вас место. Самая страшная фраза. Место сохранено. Стул не остыл. Роль на вешалке. Вход по бейджу. Здравствуйте, Павел Трофимов, отдел стратегий, мы заметили, что вы пытались стать живым, продолжить?

Он открыл документ, где должен был писать варианты цепочки. Белая страница смотрела на него с профессиональной пустотой. Павел начал печатать:

«Мы заметили, что вы давно не возвращались».

Стер.

«Иногда достаточно одного маленького шага, чтобы продолжить».

Стер.

«Ваш путь не закончен».

Стер с раздражением. Эти фразы были не текстами, а ловушками с подушками внутри. В них не было прямого насилия. Они были хуже: они заботливо пододвигали человеку дверь обратно в клетку и спрашивали, не дует ли.

Оксана остановилась возле его стола.

— Ты воюешь с клавиатурой?

— Она первая начала.

— Кирилл спрашивал, будешь на созвоне в одиннадцать?

Павел открыл календарь. Созвон не был обязательным. То есть, формально не был. В корпоративной природе необязательных созвонов было то же двуличие, что в материнском «как хочешь»: отказ возможен, но потом тебя будут помнить как человека, у которого была возможность быть своим.

— А я там нужен? — спросил он.

Оксана удивилась.

— В смысле?

— В прямом. Я там нужен или просто добавлен, чтобы все чувствовали полноту картины?

Она посмотрела на него внимательнее. Села на край соседнего стола.

— Ты вчера после презентации что-то принял близко к сердцу?

— Слайд семнадцать.

— Карта удержания?

— Угу.

— Сильный слайд. Но ты же понимаешь, это модель.

— Именно.

— Модель не жизнь.

— А если жизнь уже давно модель, просто с плохим дизайном?

Оксана молчала. На экране её ноутбука висел график интервью. Женщина сорока двух лет, Москва, средний доход, использует приложение три раза в неделю, высокий риск ухода. Сегмент. Голос. Боль. Метрика. Человек, разобранный до удобного размера.

— Знаешь, — сказала Оксана, — у меня после первого года в исследованиях было похожее. Я начала видеть паттерны везде. Почему люди женятся. Почему покупают третий онлайн-курс. Почему заводят собаку. Почему говорят «мне просто нравится», когда на самом деле боятся быть хуже других. Потом отпускает.

— А если не хочу, чтобы отпускало?

— Тогда будет больно.

— А если уже?

Она пожала плечами. Не равнодушно. Честно.

— Тогда хотя бы не делай из боли теорию за один день. Это тоже способ ничего не чувствовать.

Она встала и ушла. Павел посмотрел ей вслед. Оксана умела говорить так, будто случайно оставляет нож на столе лезвием к тебе. Не нападала, просто давала возможность порезаться самому.

В одиннадцать он всё-таки не пошёл на созвон. Написал: «Меня не нужно подключать, по этой теме у меня нет добавочной ценности». Посмотрел на фразу и почувствовал отвращение. Даже отказ он упаковал в корпоративный язык, как труп в подарочную бумагу. «Нет добавочной ценности». Какая мерзость. Он стёр и написал проще: «Я не буду на созвоне. По теме ничего полезного не добавлю». Отправил. Через минуту Кирилл ответил: «Ок». Снова три буквы. Без точки. Кирилл, похоже, решил превратить отсутствие точки в управленческую стратегию.

До обеда Павел почти ничего не сделал. Он читал старые документы, письма, брифы, собственные тексты для прошлых кампаний и видел в них следы преступления, совершённого не кем-то злым, а им самим в состоянии нормальности. «Вернитесь к тому, что важно». «Вы так близко к цели». «Не теряйте достигнутое». «Мы сохранили ваш прогресс». «Вы можете больше». «Ещё один шаг». Фразы, которые он писал годами, вдруг стали похожи на записки от похитителя. И самое неприятное: они были хорошие. Работали. Люди возвращались. Конверсия росла. Команда радовалась. Клиенты продлевали договор. Павел получал премии, покупал

кроссовки, водил Лену в ресторан, платил за психотерапию, на которой рассказывал, что чувствует себя уставшим, но в целом всё нормально.

В обед Даня потащил его в кафе на первом этаже. Там продавали супы, салаты, пасту, бизнес-ланчи и ощущение, что даже еда участвует в рабочем процессе. Люди сидели за маленькими столами и жевали с лицами, будто выполняли срочную внутреннюю задачу по поддержанию функциональности организма.

— Ты какой-то совсем не корпоративный сегодня, — сказал Даня, размешивая суп. — У тебя лицо человека, который прочитал пользовательское соглашение до конца.

— Хуже. Я понял, что сам его подписал.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь. Тут у всех подписано, просто никто не помнит пароль от личного кабинета.

Даня был циник, но добрый циник, что делало его опаснее. Добрый циник всегда может сказать правду так, что ты ещё и поблаговаришь за обслуживание.

— Ты никогда не думаешь, что мы делаем какую-то хрень? — спросил Павел.

— Постоянно.

— И?

— И делаю дальше. Потому что хрень — это слишком широкая категория. В неё входит примерно всё: реклама, ипотека, брак, налоговая система, семейные чаты, детские утренники, корпоративная йога и сыр косичка. Если отказываться от всего, что хрень, останется сидеть голым в лесу и спорить с белкой о смысле обмена веществ.

— Может, белка честнее.

— Белка тоже удерживает аудиторию. Посмотри, как она смотрит на орех.

Павел улыбнулся. Даня продолжил:

— Слушай, я понимаю твой экзистенциальный зуд. Правда. Но у тебя сейчас опасная стадия. Ты увидел механизм и решил, что механизм — это враг. А механизм иногда просто механизм. Дверной замок тоже удерживает. Но без него к тебе зайдёт сосед в трусах.

— Я не против замков. Я против того, что сам не знаю, где дверь.

Даня поднял ложку, подумал.

— Красиво. Запиши. Потом продашь как курс.

— Вот именно.

— Что именно?

— Всё сразу становится курсом. Даже попытка не быть продуктом.

— Потому что люди голодные до инструкций. Им страшно без инструкции. Скажи человеку «живи как хочешь», и он попросит чек-лист.

Павел посмотрел вокруг. За соседним столом женщина в костюме говорила кому-то: «Я не могу сейчас выпасть, у меня квартал». Мужчина у окна просматривал резюме прямо над тарелкой с борщом. Молодая девушка фотографировала салат, видимо, чтобы доказать себе или миру, что в её жизни есть листья. Все ели, говорили, скроллили, планировали, соглашались. Над ними висели лампы в индустриальном стиле, как маленькие допросные солнца.

— У тебя бывало ощущение, что внутри тебя кто-то отвечает раньше тебя? — спросил Павел.

Даня перестал шутить не сразу. Сначала хотел, Павел видел. Потом не стал.

— Бывало.

— И что ты делал?

— Пил.

Павел посмотрел на него.

— Шучу. Почти. На самом деле ничего. У меня этот внутренний кто-то обычно умнее. Я сам могу наговорить лишнего, а он хотя бы социализирован.

— А если он просто трус?

— Тогда мы с ним нашли общий язык.

Даня отодвинул тарелку.

— Паш, ты аккуратнее. Серьёзно. Кризис смысла — штука такая. Сначала кажется, что ты выходишь из тюрьмы. Потом выясняется, что тюрьма хотя бы кормила.

После обеда Павел вернулся на этаж и долго стоял у окна в коридоре. С двадцать первого этажа город выглядел так, будто его спроектировали не для людей, а для потоков: транспортных, денежных, информационных, эмоциональных. Люди были просто носителями движения. Маленькие узлы в сетке. В одном здании они удерживали пользователей, в другом согласовывали кредиты, в третьем продавали курсы, в четвёртом лечили тревогу, в пятом учили лечить тревогу без лекарств, в шестом страховали тех, кто не вылечился. Всё было связано. Не заговором — заговор был бы даже уютнее, у него были бы виновные, тайная комната, лица, протоколы, возможность разоблачения. Здесь хуже. Никто не сидел в центре паутины. Паутина сама научилась плести себя через людей, которые просто хотели зарплату, любовь, безопасность и не выглядеть идиотами на общих встречах.

Телефон снова завибрировал. Мать.

«Паш, я купила курицу. Если ты всё-таки не сможешь, скажи заранее».

Он смотрел на сообщение. Вот он, момент. Маленький. Глупый. Не героический. Не такой, ради которого в романах гремит музыка. Просто курица. Просто суббота. Просто мать, которая купила продукт как аргумент. Внутренний диспетчер включил аварийное освещение.

Скажи, что приедешь. Не мучай женщину. Она переживает. Ты можешь заехать на пару часов. Потом диван. Или наоборот. Это несложно. Люди ездят к матерям. Она не вечная. Ты пожалеешь. Лена поймёт. Лена не поймёт, но можно объяснить. Не будь эгоистом. Не начинай революцию с курицы. Это смешно. Это жестоко. Это мелко. Это ты просто устал. Ответ нормально. Ответ сейчас. Не заставляй ждать.

Павел стоял у окна и вдруг ясно увидел этого диспетчера. Не как голос, а как помещение. Маленькая комната внутри головы, без окон, с серыми стенами, пыльной искусственной пальмой в углу, телефоном с множеством кнопок и табличкой «Нормальность». За столом сидел человек без возраста, в жилете, с утомлённым лицом и вечной папкой инструкций. Он не был злодеем. Он был служащим. Работал давно, без повышения, без выходных. Когда Павел хотел что-то сделать, служащий сверялся с регламентом: а не расстроится ли мать? а не уйдёт ли женщина? а не подумают ли коллеги? а не станет ли хуже? а есть ли финансовая подушка? а как это объяснить? а что скажут? а кто ты такой? Потом нажимал кнопку и отправлял наружу безопасный ответ.

«Да, конечно».

Павел почти пожалел его. Внутренний диспетчер не хотел портить ему жизнь. Он хотел сохранить её в том виде, в котором она хотя бы работала. Удержание как забота. Кирилл был бы доволен.

Павел открыл чат с матерью и написал:

«Мам, я не приеду в субботу».

Сердце ударило неприятно, низко. Он добавил:

«Я понимаю, что ты уже купила продукты. Прости. Но я не хочу приезжать через силу и делать вид, что всё нормально. Давай созвонимся в воскресенье или я заеду на следующей неделе, когда правда смогу быть с тобой, а не просто выполнить обязанность».

Он прочитал. Слишком длинно. Слишком честно. Слишком терапевтично. Мать это возненавидит. Или испугается. Или напишет «понятно». Он хотел стереть последнюю фразу. Потом не стал. Отправил.

Ответа не было пять минут. Потом десять. Потом двадцать. За это время Павел успел прожить несколько версий будущего: мать плачет; мать звонит; мать пишет Лене; мать вызывает скорую, чтобы наказать его бессмертным родительским способом; мать молчит неделю;

мать умирает, и курица остаётся в холодильнике как улика. Внутренний диспетчер бегал по своей комнате, роняя папки: объект отклонился, объект отклонился, срочно вернуть чувство вины на максимальную мощность.

Сообщение пришло через тридцать четыре минуты.

«Понятно».

Одно слово. Без точки. Семейная школа Кирилла Сергеевича.

Павел смотрел на это «понятно» и чувствовал не свободу, а тошноту. Отказ не был крыльями. Отказ был ведром холодной воды, которое ты сам на себя вылил и теперь стоишь мокрый, а вокруг люди спрашивают, зачем портить пол. Он хотел сразу написать: «Я могу всё-таки заехать ненадолго». Не написал. Пальцы дрожали. Он убрал телефон в карман и пошёл в туалет, потому что там хотя бы можно было закрыться в кабинке и не делать вид, что ты просто думаешь над метриками.

В кабинке он сел на закрытую крышку унитаза. Это было жалко, но честно. Места большого внутреннего перелома редко выглядят достойно. Кто-то осознаёт себя на вершине горы, кто-то у моря, кто-то в монастыре, а Павел Трофимов — в туалете бизнес-центра, между держателем бумаги и освежителем воздуха с запахом «океан», который не имел к океану никакого отношения, кроме общей обиды воды.

Он достал телефон и открыл закладки. Строка «Год без достижений» смотрела на него уже не как случайная фраза, а как подозрительный документ, который он сам себе подсунул. Ниже была вчерашняя запись: «Я не хочу в субботу к матери». Павел хотел добавить «Отказ №1», но вспомнил, что нумерация — это таблица, таблица — отчёт, отчёт — новая клетка. Он написал иначе:

«Внутри меня есть диспетчер. Он не злой. Он просто очень давно на смене».

Потом ещё:

«Он говорит голосами людей, которых я любил, боялся или хотел не разочаровать».

И ещё:

«Самое трудное — не уволиться с работы. Самое трудное — не спрашивать у него разрешения на каждую мысль».

Он посмотрел на эти строки. В них уже была опасность красоты. Внутренний диспетчер, даже раненый, умел превращать живую боль в аккуратную формулировку. Павел стёр вторую строку. Потом третью. Оставил только первую.

«Внутри меня есть диспетчер. Он не злой. Он просто очень давно на смене».

Снаружи кто-то зашёл, шумно помыл руки, высморкался, сказал по телефону: «Да, я сейчас поднимусь, конечно», и вышел. Павел засмеялся беззвучно. Мир был настойчив. Мир не собирался становиться тоньше только потому, что один сотрудник отдела стратегий решил рассмотреть свои цепи.

Когда он вернулся к рабочему месту, Кирилл Сергеевич стоял у его стола.

— Паш, на минуту?

Они отошли в маленькую переговорку, ту самую, где обычно обсуждали быстрые вопросы, которые потом разрастались в двухмесячные задачи. Кирилл сел напротив, положил телефон экраном вниз. Это всегда означало: сейчас будет разговор с имитацией человеческого внимания.

— Слушай, я вижу, ты немного выпал, — сказал он мягко.

Вот оно. Слово дня. Выпал. Не устал, не задумался, не не согласен. Выпал. Из процесса, из ритма, из сетки, из общей картинки, где каждый квадратик должен оставаться на месте.

— Возможно.

— Что-то случилось?

Павел посмотрел на него. Кирилл был не плохой. Это раздражало больше всего. Плохой начальник дал бы возможность сопротивляться красиво. Кирилл был умный, внимательный, местами даже добрый. Просто его доброта всегда возвращалась в бизнес-модель.

— Я не уверен, что могу писать тексты для удержания, — сказал Павел.

Кирилл медленно кивнул.

— Почему?

— Потому что я слишком хорошо понимаю, как они работают.

— Обычно это плюс.

— Не сегодня.

Кирилл выдержал паузу. Его учили выдерживать паузы. Павел почти видел тренинг: не перебивайте сотрудника, дайте ему пространство, пространство повышает доверие, доверие снижает риск резкого увольнения.

— Паш, у нас всех бывают моменты этического дискомфорта, — сказал Кирилл. — Это нормально. Значит, ты не робот.

— А если я как раз робот, который заметил инструкцию?

— Тогда робот может взять отпуск.

— Отпуск не поможет.

— Почему?

Павел посмотрел на стеклянную стену. За ней люди ходили по офису с ноутбуками, как монахи с иконами непонятного бога.

— Потому что я не хочу отдыхать, чтобы потом снова вернуться тем же человеком.

Кирилл чуть изменился в лице. Очень слегка. До этого разговор был про усталость. Теперь он начал пахнуть увольнением, а у руководителей на увольнение сотрудников развивается тонкий нюх, как у животных на дождь.

— Ты хочешь уйти?

Вопрос был прямой. Павел должен был испугаться. Испугался. Внутренний диспетчер вскочил: нет, не сейчас, подумай, деньги, Лена, мать, рынок, ипотека нет, но аренда, накопления небольшие, кризис, резюме, возраст, не делай глупостей, скажи «я просто устал», возьми отпуск, договорись, не порть отношения.

Павел слышал всё это, как слышат шум за стеной. Громко, неприятно, но уже не внутри комнаты.

— Я не знаю, — сказал он.

Кирилл выдохнул почти незаметно.

— Не принимай решений в таком состоянии. Это мой тебе совет не как руководителя.

— А как кого?

Кирилл усмехнулся.

— Как человека, который однажды тоже хотел всё бросить.

— И?

— Не бросил.

— Жалеешь?

Пауза стала другой. Не тренинговой. Настоящей. Кирилл посмотрел в сторону, туда, где за стеклом Оксана что-то показывала дизайнеру на экране.

— Иногда, — сказал он. — Но сожаление тоже не стратегия.

— У нас всё должно быть стратегией?

— Иначе больно.

Это было честно. Не утешительно, но честно. Павел вдруг почувствовал к нему странную нежность. Не симпатию даже, а узнавание: перед ним сидел не начальник, а человек, который когда-то тоже стоял у своей двери и выбрал остаться, а потом построил вокруг выбора отдел, процессы, команду, бороду, дорогие кроссовки и интонацию уверенности.

— Возьми пару дней, — сказал Кирилл. — Подумай. Не геройствуй. И не драматизируй. Хорошо?

Павел почти ответил: «Да, конечно».

Почти.

— Я подумаю, — сказал он.

— Договорились.

Когда он вышел из переговорки, рабочий день продолжался с оскорбительной нормальностью. Кто-то смеялся у кофемашины. Кто-то ругался с подрядчиком. Кто-то выбирал картинку для баннера. Даня махнул ему рукой. Оксана мельком посмотрела, но ничего не спросила. Календарь прислал напоминание о встрече, на которую он уже опоздал. Мать молчала. Лена написала: «Сказал?» Павел ответил: «Да». Через минуту она прислала: «Горжусь. Но вечером всё равно надо поговорить про диван». Он улыбнулся. В этом была вся Лена: она могла увидеть твой внутренний переворот, признать его, а потом вернуть тебя к мебели, потому что жить всё равно где-то надо.

В шесть вечера Павел выключил компьютер. Не в восемь, не в девять, не после того, как «ещё чуть-чуть». Просто в шесть. Экран погас, и в чёрном прямоугольнике он увидел своё отражение. Ничего особенного. Никакого нового человека. Тот же Павел Трофимов, отдел стратегий, мокрые вчерашние мысли, слабая шея, усталые глаза. Но где-то внутри диспетчер, кажется, впервые за много лет снял наушники и посмотрел на него не как на объект управления, а как на начальство, которое неожиданно вернулось из отпуска и требует объяснить, почему тут всё работает без приказа.

На выходе турникет пискнул зелёным. Павел прошёл и остановился. Потом вернулся на шаг, приложил бейдж ещё раз. Турникет возмутился красным. Повторный проход запрещён. Он усмехнулся. Система не любила неопределённость. Вышел — значит вышел. Вошёл — значит вошёл. Туда или обратно. Ей было трудно с человеком, который просто стоит между.

Охранник посмотрел на него.

— Проблема?

— Нет, — сказал Павел. — Проверяю.

— Что?

Павел посмотрел на стеклянные двери, за которыми темнел город.

— Работает ли выход.

Охранник решил не уточнять. Умный человек.

На улице было сухо. После вчерашнего дождя асфальт ещё хранил тёмные пятна, но небо очистилось, и вечерний город выглядел как офис после уборки: мусор вынесли, но запах решенный остался. Павел пошёл пешком, хотя до метро было ближе. Телефон в кармане вибрировал: рабочий чат, банк, доставка, мать, возможно, Лена. Он не доставал. Не из принципа. Принцип — слишком громкое слово для человека, который пока просто учится не хвататься за каждый сигнал.

На углу горела вывеска: «Оставайтесь с нами». Чуть дальше — «Всё для вашего роста». Ещё дальше — «Начните сегодня». Павел шёл между ними, как между дружелюбными надзирателями. Город не стал врагом. В этом-то и была проблема. Он был красивый местами, удобный местами, мерзкий местами, любимый местами. Как жизнь, которую нельзя просто разоблачить и выбросить. Из неё приходилось выходить не хлопком двери, а миллионом маленьких отказов, каждый из которых выглядел смешно и стоил неожиданно дорого.

Дома он ответит Лене. Может быть, они поссорятся. Может быть, будут выбирать диван. Может быть, она скажет, что не хочет ждать его год без гарантий. Может быть, мать напишет что-нибудь короткое и тяжёлое. Может быть, Кирилл даст ему отпуск. Может быть, через неделю Павел испугается и сам попросит задач побольше. Ничего не решилось. Никакой сво-

боды не наступило. Просто внутри появилась небольшая неисправность в старой системе, и пока никто не знал, можно ли её починить.

Павел остановился у пешеходного перехода. Светофор горел красным. Люди вокруг ждали. Кто-то уже шагнул на дорогу, потому что машин не было. Остальные стояли, потому что красный. Павел тоже стоял. Не потому что надо. Не потому что нельзя. Просто стоял и впервые за день не пытался понять, правильно ли стоит.

Внутренний диспетчер молчал.

Нет, не молчал. Он дышал. Усталый служащий в комнате без окон, который вдруг понял, что смена может закончиться.

Загорелся зелёный.

Павел пошёл.

Глава 4. Увольнение без музыки

Кирилл Сергеевич оформил Павлу два дня отпуска так быстро, будто в компании существовала специальная кнопка для сотрудников, начавших задавать неправильные вопросы. Павел даже не успел нормально возразить. Ему пришло письмо от HR: «Павел, добрый день! Согласовали вам краткосрочный отпуск для восстановления ресурса. Берегите себя». Внизу стояло жизнерадостное «С уважением» и подпись девушки, которую он видел один раз на новогоднем корпоративе у стола с канапе. Слово «ресурс» его почему-то разозлило сильнее всего. Не душа. Не силы. Не жизнь. Ресурс. Что-то, что можно пополнить, распределить, учесть в планировании, вывести в отчёт, не трогая самого человека, потому что сам человек в этой системе был слишком сложной и плохо оптимизированной оболочкой для ресурса. Павел сидел дома за кухонным столом, смотрел на письмо и чувствовал, как его аккуратно кладут на зарядку, чтобы потом вернуть в устройство. Не лечат. Не слышат. Не отпускают. Просто временно отключают от сети, чтобы батарея перестала мигать красным на глазах у команды.

Лена стояла у плиты и жарила яичницу. У неё это получалось так, будто она не готовила завтрак, а вела переговоры с огнём: строго, без романтики, с ясным пониманием, что любая мягкость приведёт к пригоревшим краям. После вчерашнего разговора про мать и диван они легли поздно. Ссоры не случилось. Это было хуже. Ссора хотя бы производит шум, после которого можно сказать: вот здесь болит. А они разговаривали спокойно, с перерывами, как люди, разбирающие завалы после небольшого землетрясения, где вроде никто не погиб, но жить в доме уже страшно. Лена сказала, что не хочет становиться для него очередной системой удержания. Павел сказал, что не знает, где заканчивается любовь и начинается страх остаться одному. Она ответила: «Вот когда узнаешь, скажи. Только не через десять лет». Потом они всё-таки обсудили диван. Диван отложили. Это звучало смешно — как будто их будущее временно поставили на паузу в мебельном магазине, — но обоим стало чуть легче. Взрослая жизнь иногда спасается не решением главных вопросов, а переносом доставки.

- Тебя правда отправили отдыхать? — спросила Лена, не оборачиваясь.
- Для восстановления ресурса.
- Звучит так, будто ты принтер.
- Принтеры хотя бы честно пишут, что у них замятие.
- У тебя тоже было бы полезно. Маленький экран на лбу: «замятие в области смысла».
- И кнопка отмены печати.

Она усмехнулась. Павел посмотрел на её спину, на лопатку под тонкой домашней футболкой, на волосы, собранные кое-как, на привычное движение руки, когда она поддевала яичницу лопаткой. Всё это было такое обыкновенное, что у него заболело где-то под рёбрами. Он вдруг понял: если уйти с работы, это ещё не значит уйти из жизни, которую он сам помог построить. В этой жизни были Лена, чашки, бельё на сушилке, общий пароль от интернет-магазина, спор о диване, её крем в ванной, его тупая привычка оставлять носки возле кровати, базилик на подоконнике, который продолжал бороться за существование с упрямством маленького зелёного идиота. Нельзя было просто объявить: «я выхожу из программы», — и ожидать, что все связанные устройства мягко отключатся без потери данных.

- Что будешь делать эти два дня? — спросила Лена.

Павел хотел сказать: «Подумаю». Но слово уже казалось испорченным. Он слишком часто думал вместо того, чтобы жить, и его мышление давно напоминало офисный кулер: булькает, охлаждает, стоит в углу, создаёт иллюзию процесса.

- Не знаю.
- Ты уже злоупотребляешь этим ответом.
- Знаю.

— Нет, правда. «Не знаю» может быть честностью, а может быть способом не отвечать.

— Я пока не умею отличать.

Лена выключила плиту, переложила яичницу на две тарелки и поставила одну перед ним. Желток растёкся сразу, как маленькое солнышко, которому надоело держать форму.

— Тогда попробуй сегодня не искать большую идею, — сказала она. — Просто не делай вид, что отдыхаешь ради возвращения.

Он поднял глаза.

— Ты сейчас сказала лучше, чем корпоративный психолог за шесть сессий.

— Корпоративный психолог не живёт с тобой и твоей духовной бухгалтерией.

— Повезло человеку.

— Очень.

Они ели молча. Молчание было не враждебным. Скорее осторожным. Как тонкий лёд: можно идти, если не прыгать. Павел открыл телефон. Мать ничего не писала после своего «понятно». Это «понятно» сидело в чате, как человек в тёмной комнате, который не включает свет специально. Рабочих сообщений стало меньше: видимо, Кирилл разослал кому нужно, что Павел временно выпал из оборота по уважительной причине. Уважительная причина называлась «восстановление ресурса», хотя Павел всё больше подозревал, что его ресурс не восстанавливается, потому что не хочет возвращаться в прежний контейнер.

После завтрака он вышел из дома без плана. Это оказалось труднее, чем казалось. Выйти без плана в будний день — почти неприлично. Город был настроен на людей с назначением: одни ехали на работу, другие с работы после ночной смены, третьи везли детей, четвёртые несли папки, пятые тащили пакеты с продуктами, шестые торопились к врачу, потому что организм тоже любил ставить встречи в календарь. Павел шёл по тротуару и чувствовал себя человеком без категории. Не турист, не безработный ещё, не отпускник, не заболевший, не курьер, не пенсионер, не студент. Просто мужчина в куртке, который вышел из дома утром во вторник и не знал, куда его приложить.

У кофейни на углу бариста, тот самый, который знал его «как обычно», поднял руку.

— Павел, вам как всегда?

Павел остановился. Вот она, микроскопическая ловушка привычки. Не злая. Не страшная. Даже приятная. Тебя узнают. Тебя ждут. Твоё место в мире подтверждается размером стакана и количеством молока. Для многих людей это и есть нежность города: не любовь, не дружба, а способность незнакомого человека помнить, что ты берёшь капучино без сахара. Павел почти согласился. Ему хотелось тепла, кофе, признания, хоть какого-то «как всегда», потому что последние сутки его жизнь напоминала шкаф, из которого вытащили все полки и предложили радоваться свободному пространству.

— Нет, — сказал он. — Сегодня ничего.

Бариста моргнул.

— Понял.

И всё. Мир снова пережил отказ без апокалипсиса. Павел пошёл дальше и почти сразу пожалел: кофе хотелось. Отказ от привычки не отменял потребности, он только лишил её красивой упаковки. Минут через десять он купил кофе в маленьком киоске у остановки, где напиток был хуже, стакан мягче, крышка плохо держалась, а продавщица не спрашивала имени. Это было не победой. Просто другим кофе. Может быть, думал Павел, свобода чаще всего выглядит не как расправленные крылья, а как посредственный американец за сто двадцать рублей, купленный не там, где тебя уже ждёт сценарий.

Он шёл долго. Сначала вдоль проспекта, потом дворами, потом через парк, где рабочие в оранжевых жилетах сгребали мокрые листья в кучи, похожие на трупы маленьких сезонов. На детской площадке женщина качала пустые качели ногой и говорила в телефон: «Да я понимаю, что надо выходить, но куда? Сейчас везде требуют опыт». На лавке сидел старик с газетой,

но газету не читал, просто держал раскрытой, как ширму между собой и воздухом. У подъезда дома бизнес-класса мужчина в костюме ругался с курьером из-за остывшего завтрака. На витрине фитнес-студии крупными буквами было написано: «СТАНЬ СВОЕЙ ЛУЧШЕЙ ВЕРСИЕЙ». Ниже отражался Павел — мокрые волосы, куртка, стакан дешёвого кофе, лицо человека, который пока не справляется даже с текущей версией.

Внутренний диспетчер пытался работать, но уже с переборами. Он предлагал составить план отпуска. Сделать список вопросов к себе. Пройтись десять тысяч шагов, чтобы день не пропал. Купить блокнот. Начать вести дневник. Посмотреть вакансии просто из интереса. Ответить матери, потому что молчание затягивается. Написать Кириллу, что ему лучше и он готов подключиться после обеда, чтобы не подумали лишнего. Павел слушал этот шёпот и вдруг ясно понял: даже паузу он умеет превращать в форму лояльности. Отдохнуть так, чтобы всем стало спокойнее. Поискать себя так, чтобы не испугать близких. Уйти внутрь настолько ненадолго, чтобы место на совещании ещё не заняли.

Он сел на лавку у пруда. Вода была тёмная, с плавающими листьями, пластиковым стаканчиком и двумя утками, которые выглядели так, будто давно приняли устройство мира и не собираются писать по этому поводу эссе. Павел достал телефон. Открыл рабочую почту. Закрыв. Открыл чат с матерью. Закрыв. Открыл заметки. Там была фраза: «Внутри меня есть диспетчер. Он не злой. Он просто очень давно на смене». Под ней пустота. Пустота в заметках казалась требовательной. Она уже хотела стать текстом, системой, программой, книгой, курсом, исповедью, чем угодно, лишь бы не оставаться пустотой. Павел написал: «Не улучшать паузу». Посмотрел. Засмеялся. Даже это звучало как пункт из методички. Он стёр. Положил телефон экраном вниз на лавку и стал смотреть на уток. Утки не достигали. Утки перемещались. Иногда опускали голову в воду и доставали что-то невидимое. Одна толкнула другую. Никакого морального вывода. Просто утки.

Через час ему стало холодно. Ещё через полчаса скучно. К двум дня он уже ненавидел свой отпуск для восстановления ресурса. Ничего не делать оказалось не отдыхом, а громкой комнатой, где все подавленные мысли наконец получили микрофоны. Он думал о деньгах. Накоплений хватило бы на четыре месяца нормальной жизни или на шесть, если не покупать глупостей и не притворяться прежним человеком. Он думал о Лене, которая не обязана участвовать в его эксперименте только потому, что он внезапно обнаружил в себе внутренний call-центр. Он думал о матери и курице в холодильнике. О работе. О Кирилле. О том, что его должность не была каторгой. Там платили. Там уважали. Там иногда было даже интересно. Он не работал на фабрике по производству слёз младенцев. Он писал тексты и стратегии, пусть и липкие, пусть и с запахом мягкого принуждения. Люди хуже живут. Эта фраза пришла без стука и села рядом. Люди хуже живут. Великая российская духовная удавка: если кому-то хуже, ты обязан терпеть своё «нормально» с благодарным лицом.

Павел встал с лавки и пошёл обратно. Дома Лены не было — уехала на объект. На столе лежала записка: «Суп в холодильнике. Не обязан есть. Просто есть». Он долго смотрел на эту записку. В ней было больше любви, чем в большинстве торжественных обещаний. Не обязан. Просто есть. Лена, возможно, понимала больше, чем он хотел ей приписывать. Или просто устала быть умной и решила написать про суп. Павел разогрел тарелку. Ел стоя у плиты, хотя мог сесть. Суп был густой, с чечевицей и чем-то острым. Он согрел не душу — душа вообще подозрительно часто фигурирует там, где достаточно горячей еды, — но живот. А живот, если честно, надёжнее большинства философских систем: когда ему плохо, он не строит теорий, он требует суп.

Вечером Лена вернулась усталая, с рулонами чертежей и злостью на заказчика, который хотел «минимализм, но богато». Павел слушал её рассказ про людей, мечтающих о пустом пространстве, куда нужно обязательно поставить дорогой комод, и впервые за день не думал

о себе. Это было почти роскошно. Чужая конкретная глупость иногда спасает от собственной абстрактной. Они поужинали. Потом Лена спросила:

— Ты понял что-нибудь за день?

— Да.

— Что?

— Что отпуск — это тоже форма удержания.

Она закрыла лицо руками.

— Паш, я сейчас слишком устала для красивой тревожной фразы.

— Это не красивая. Это рабочая.

— Расшифруй по-человечески.

— Меня как будто положили в паузу, чтобы я вернулся пригодным. А я не хочу возвращаться пригодным.

Лена убрала руки от лица. Взгляд у неё стал серьёзным.

— Ты хочешь уволиться.

Он не ответил сразу. В этом молчании было всё: аренда, совместные планы, возраст, страх, её усталость, его стыд, материнская курица, новая лампочка в коридоре, бейдж на столе, семнадцатый слайд, слово «ресурс», утки, суп в холодильнике, бариста с «как всегда», Кирилл с хорошим советом, город с миллионом зелёных стрелок.

— Да, — сказал Павел.

Лена опустила глаза на стол. Там лежала ложка, кусок хлеба, её телефон, его телефон, счёт за электричество. Реальность всегда приносит реквизит к большим разговорам, чтобы они не взлетали слишком высоко.

— У тебя есть план?

— Нет.

Она кивнула. Не одобряюще. Просто приняла информацию как человек, которому принесли тяжёлую коробку без ручек.

— Деньги?

— На несколько месяцев хватит.

— На сколько?

— Если честно — на четыре. Может, на пять.

— А дальше?

— Не знаю.

— Ты понимаешь, что я не могу быть твоей страховочной сеткой?

— Понимаю.

— Правда понимаешь? Потому что я люблю тебя, но я не хочу одна оплачивать твоё право искать тишину.

Фраза ударила точно. Не жестоко. Честно. Павел почувствовал, как внутри поднимается привычная защита: я не прошу, ты всё неправильно поняла, я же не ребёнок, можно было мягче, я и так на краю. Диспетчер зашуршал бумагами, предлагая варианты ответов. Павел подождал. Очень трудно оказалось просто подождать.

— Я не буду просить тебя тащить меня, — сказал он наконец. — Если уволюсь, я должен буду сам платить за это решение.

— Хорошо.

— Это звучит как приговор.

— Это звучит как граница.

Он кивнул. Граница. Ещё одно слово, которое в последние годы превратилось в маленькую частную религию. Люди научились ставить границы, нарушать границы, уважать границы, проговаривать границы и иногда так увлекались, что строили вокруг себя крепость с табличкой

«уязвимость». Но сейчас Лена сказала не из книжки. Она просто стояла у края собственной жизни и не хотела, чтобы его кризис перешёл туда без визы.

— А мы? — спросил Павел.

— Не знаю.

Он почти улыбнулся.

— Теперь ты.

— Да. И мне не нравится.

Они долго молчали. Потом Лена сказала, что ей нужно в душ. Павел остался на кухне. За окном в доме напротив горели окна. В одном мужчина качал ребёнка. В другом женщина делала зарядку перед ноутбуком. В третьем кто-то смотрел телевизор. В четвёртом пустая комната светилась так, будто там забыли выключить жизнь. Павел смотрел на эти окна и думал, что у каждого внутри свой диспетчер, только у некоторых он говорит мягко, у некоторых орёт, у некоторых давно слился с хозяином и носит его лицо. Человечество, возможно, держалось не на любви, не на законах и не на экономике, а на миллиардах внутренних служащих, которые каждое утро выдавали людям команды не разрушать всё сразу.

Ночью он плохо спал. Ему снилась презентация без конца: слайды сменялись, но на каждом была одна и та же схема — круг «Павел хочет уйти», стрелки, блоки, способы возврата. «Напомнить о Лене». «Показать мать». «Активировать страх бедности». «Предложить отпуск». «Вернуть чувство профессиональной ценности». «Снизить тревогу через новый план». «Не дать построить новый сценарий». В какой-то момент круг в центре начал пульсировать, как сердце, а Кирилл Сергеевич голосом автоответчика повторял: «Пользователь не должен почувствовать, что он пользователь». Павел проснулся в четыре утра, пошёл на кухню, выпил воды и сел за стол. В квартире было темно, только в коридоре мягко светила новая лампочка. Он достал ноутбук. Открыл документ с резюме. Потом закрыл. Открыл банковское приложение. Посмотрел на цифры. Закрыл. Открыл рабочую почту. Там уже было несколько писем, хотя ночь ещё не закончилась. Работа никогда не спала полностью. Она просто переходила на фоновый режим, как приложение, которое продолжает собирать данные, пока пользователь думает, что вышел.

Павел открыл пустое письмо Кириллу. В строке темы написал: «Заявление». Стер. Написал: «Разговор». Стер. Написал: «Решение». Оставил. В тело письма набрал: «Кирилл, привет. Я принял решение уйти из компании. Готов обсудить передачу задач и сроки». Всё. Слишком коротко. Слишком резко. Никакого объяснения, никакой благодарности, никакого «мне было важно работать с командой», никакого «это непростое решение», никакого мягкого возврата для работодателя. Он добавил: «Спасибо за всё, что было за эти пять лет». Посмотрел. Фраза была нормальная. Человеческая. Может быть, даже правда. Он не ненавидел эти пять лет. В этом была часть ужаса. Иногда из жизни надо уходить не потому, что она плохая, а потому что она слишком хорошо научилась обходиться без тебя настоящего.

Он не отправил письмо. Сидел перед экраном до шести утра. Потом закрыл ноутбук. Увольняться письмом оказалось трусливо. Или разумно. Он уже не понимал. Внутренний диспетчер снова занял место: сначала поговори, не сжигай мосты, можно взять паузу, можно перевестись в другой отдел, можно договориться на неполный день, можно уйти через месяц, можно сохранить отношения, можно не делать резких движений. Он говорил так убедительно, что Павел почти поверил. Убедительность была его главным оружием. Он никогда не предлагал рабство. Он предлагал варианты.

В офис Павел приехал к десяти, хотя был в отпуске. Это выглядело абсурдно: человек, освобождённый от работы для восстановления ресурса, едет на работу, чтобы официально перестать восстанавливаться. На входе охранник приложил к нему тот же равнодушный взгляд, которым проверял всех. Турникет пискнул зелёным. Павел прошёл и почувствовал странную

нежность к этому звуку. Писк разрешения. Сколько раз он входил сюда, не замечая, что каждый день начинается с маленького допуска. Система говорит: сегодня ты ещё наш.

В лифте он был один. Это редко случалось. Обычно лифт набивался людьми, парфюмом, кофе, нервами и разговорами, которые все ведут вполголоса, но так, чтобы было ясно: они важные. Сегодня Павел ехал вверх в тишине. На зеркальной стене отражался мужчина в тёмной куртке, без особой трагедии, без сияния, без музыки. Не герой. Не бунтарь. Не человек на постере «смени жизнь за один день». Просто усталый сотрудник, который забыл, как верить собственной нормальности. Лифт остановился на двадцать первом. Двери открылись. Офис встретил его запахом кофе, пластика, кондиционера и чужой занятости.

— Паша? — удивилась Оксана у кофемашины. — Ты же в отпуске.

— Я ненадолго.

Она посмотрела на него и, кажется, всё поняла раньше, чем он успел сказать. Исследователи вообще опасны тем, что умеют читать тишину как расшифровку интервью.

— К Кириллу?

— Да.

— Удачи.

— Это так видно?

— У тебя лицо человека, который пришёл не за ноутбуком.

Он усмехнулся. У Кирилла дверь была открыта. Он сидел за столом, разговаривал по телефону и рисовал ручкой квадраты на листе. Увидев Павла, поднял брови, жестом попросил минуту. Павел сел в кресло напротив и стал ждать. На стене у Кирилла висела доска со стратегическими целями квартала. Красиво, цветно, уверенно. «Увеличить удержание на 12%». «Снизить отток». «Повысить вовлечённость». «Укрепить эмоциональную связь». Павел читал эти пункты и думал, что если когда-нибудь археологи будущего откапают современные офисы, они решат, что люди поклонялись удержанию и приносили ему в жертву вторники.

Кирилл закончил звонок.

— Паш, ты зачем приехал? Тебе же надо выдохнуть.

— Я не хочу выдыхать, чтобы потом снова вдохнуть то же самое.

Кирилл откинулся на спинку кресла.

— Понятно.

— Не начинай с этого слова.

— Почему?

— У меня семейная травма.

Кирилл чуть улыбнулся, но быстро стал серьёзным.

— Хорошо. Говори.

Павел положил бейдж на стол. Не драматично. Просто снял с шеи и положил. Пластик негромко стукнул о дерево. Никакого грома. Никакого падения империи. В соседнем отделе кто-то засмеялся. Из кофемашины за стеной пошёл пар. Человек увольняется, а мир продолжает готовить капучино.

— Я ухожу, — сказал Павел.

Кирилл посмотрел на бейдж, потом на него.

— Совсем?

— Да.

— Давай без символов. Бейдж можешь пока оставить себе. Увольнение — это процесс, не сцена.

— Вот поэтому я и хочу уйти.

— Потому что увольнение процесс?

— Потому что у нас даже уход должен быть управляемым сценарием.

Кирилл устало потёр переносицу.

- Паш, я сейчас буду говорить не как злодей из твоей внутренней презентации. Можно?
- Можно.
- Ты не в лучшем состоянии для решения.
- Я в этом состоянии уже несколько лет. Просто раньше оно было удобным для работы.
- Ты устал.
- Да.
- Ты выгорел.
- Возможно.
- Ты можешь взять месяц. Без писем. Без задач. Мы перераспределим.
- И что?
- И потом решишь.
- Я уже решаю.
- Нет. Ты сейчас убегаешь от ощущения.

Павел хотел возразить. Не смог сразу. Потому что Кирилл был частично прав. Невыносимые люди часто бывают частично правы, и это делает разговоры с ними хуже ударов. Удар можно осудить. Частичная правда требует участия.

- Может быть, — сказал Павел. — Но оставаться из страха убежать — это тоже не жизнь.

Кирилл молчал. За стеклом проходили сотрудники. Павел видел, как кто-то мельком смотрит внутрь, замечает их позы, бейдж на столе, понимает что-то на уровне офисного слуха и идёт дальше. Скоро новость пойдёт по команде. Павел увольняется. Куда? Почему? Нашёл лучше? Что случилось? С Леной расстался? Устал? Деньги есть? Станный стал. Да он давно. Кирилл предложил отпуск, но он. Сейчас все будут строить объяснение, чтобы его поступок перестал быть дырой в их собственной уверенности. Человек, уходящий без понятной причины, опасен для коллектива. Он напоминает, что дверь существует.

- У тебя есть оффер? — спросил Кирилл.

- Нет.
- Проект?
- Нет.
- Сбережения?
- Немного.
- План?
- Нет.

Кирилл выдохнул.

- Паш, это звучит как кризис.
- Это и есть кризис.
- Кризисы не обязательно оформлять через увольнение.
- А нормальность не обязательно оформлять через зарплату.

Кирилл посмотрел на него долго. Потом неожиданно улыбнулся устало, почти по-человечески.

- Ты подготовился.
- Нет. Это у меня от недосыпа.
- Слушай. Я не буду тебя удерживать. Хотя, иронично, по должности должен. Но я попрошу одну вещь: не превращай компанию в символ всего, от чего тебе надо спастись. Здесь работают люди. Не механизм. Люди.
- Я знаю.
- Не уверен.
- Знаю, — повторил Павел. — Именно поэтому мне страшно.

Кирилл кивнул. Эта фраза, кажется, попала куда-то туда, куда рабочие аргументы не доходят. Он взял бейдж со стола, повертел в руках и положил обратно.

— Официально так. Пишешь заявление. Две недели отработки, если не договоримся иначе. Передача задач. Документы. Никакой драмы.

— Никакой.

— Не обещай. Драма иногда начинается после заявления.

— Я постараюсь.

— Вот. Уже здоровый ответ. Не «да, конечно».

Павел посмотрел на него. Кирилл улыбался, но не издевался. В этом было что-то почти прощальное.

— Ты заметил?

— Я руководитель продукта. Я обязан замечать повторяющиеся паттерны.

Они оба тихо засмеялись. Смех был короткий, неловкий, как рукопожатие между противниками, которые вдруг устали воевать. Потом Кирилл открыл почту, отправил ему форму заявления и сказал:

— Напиши. Потом зайди.

Павел вышел из кабинета. Офис уже знал. Или ему казалось, что знал. Оксана смотрела из-за монитора. Даня, заметив его, поднялся и пошёл следом к кухонной зоне.

— Ты что, правда? — спросил он.

— Что правда?

— Не прикидывайся романом. Уходишь?

— Да.

Даня прислонился к столешнице. На лице у него было то выражение, которое появляется у циников, когда реальность вдруг требует от них не шутки, а чего-то похожего на заботу.

— Куда?

— Никуда.

— Сильно.

— Глупо?

— Не знаю. Сильное и глупое часто идут в одной коробке.

Он налил себе воды, выпил, посмотрел на Павла.

— Я бы сказал: поздравляю. Но не уверен, что уместно.

— Я тоже.

— Тогда соболезную.

— Тоже не уверен.

— Тогда просто: ну ты и мудак, конечно.

— Вот это ближе.

Даня кивнул.

— Если серьёзно. Ты только не исчезай в свою философскую нору. Люди, которые уходят «никуда», часто потом начинают смотреть на остальных как на спящих. Это очень раздражает спящих.

— Я не проснулся.

— Отлично. Держи эту мысль. Она делает тебя менее невыносимым.

Оксана подошла с кружкой.

— Вы уже проводите поминки?

— Черновик, — сказал Даня.

Оксана посмотрела на Павла.

— Ты уверен?

Он хотел сказать «нет». Потому что не был уверен. Не в хорошем смысле. Уверенность вообще редко сопровождала настоящим решениям. Уверенность сопровождала покупки, презентации, плохие браки, политические лозунги и людей, продающих марафоны. Настоящее

решение часто приходило без уверенности, с влажными ладонями, тошнотой и ощущением, что ты подписываешь документ на языке, который выучил ночью.

— Нет, — сказал Павел. — Но оставаясь, я тоже не уверен.

Оксана кивнула.

— Тогда хотя бы честно.

Даня поднял стакан.

— За честную неуверенность. Новый корпоративный навык.

Павел сел за свой стол, открыл форму заявления. «Прошу уволить меня по собственному желанию...» Великолепная фраза. По собственному желанию. Он смотрел на неё и почти смеялся. Сколько в человеке собственного желания после тридцати пяти лет? Какая доля принадлежит ему, какая матери, какая отцу, какая рынку труда, какая женщине рядом, какая страху бедности, какая рекламе, какая школьным оценкам, какая мужским разговорам, какая ипотечным калькуляторам, какая усталости, какая случайному слайду в переговорке? «По собственному желанию» — юридическая формула с философской миной внутри. Но другой не было. Закон не принимал заявлений «прошу уволить меня в связи с тем, что внутренний диспетчер превысил полномочия». Или «в связи с попыткой выяснить, существует ли сотрудник после отключения от системы». Или «в связи с невозможностью дальше писать заботливые тексты, предназначенные для мягкого возврата людей в клетки с удобным интерфейсом».

Он заполнил дату. Подписал. Подпись вышла обычная. Это почему-то обидело. Хотелось, чтобы рука дрогнула, линия изменилась, буквы показали момент перелома. Но подпись оставалась той же самой, потому что документы не обязаны уважать внутреннюю драму.

После заявления началась канцелярия. HR позвонила по видеосвязи, очень сочувственно спросила, связано ли решение с командой, нагрузкой или компенсацией. Павел сказал, что нет. Она спросила, есть ли что-то, что компания могла бы сделать, чтобы он пересмотрел решение. Павел чуть не ответил: «Вернуть мне годы, когда я ещё не умел автоматически соглашаться», но сказал: «Нет, спасибо». Она рассказала про обходной лист, оборудование, доступы, компенсацию за отпуск, дату последнего рабочего дня. Увольнение, как и всё в приличном мире, тут же превратилось в таблицу. Таблица была спокойнее смысла. В ней каждый страх получал колонку, каждый разрыв — подпункт, каждая свобода — срок обработки.

К обеду все уже знали. Подходили по одному, чтобы не выглядеть стадом, но стадность всё равно читалась в расписании. «Слушай, неожиданно». «Ты куда?» «Круто, если есть возможность». «Я тоже иногда думаю». «Ну ты смелый». «А можно твои шаблоны по последнему проекту?» Последний вопрос был самым честным. Павел отвечал, улыбался, объяснял, что пока никуда, да, без оффера, нет, не устал от команды, нет, не из-за Кирилла, да, надо подумать, да, конечно, передам все материалы. На одном «да, конечно» он споткнулся, но не стал исправлять. Автоматизм не исчезает из человека потому, что тот подписал бумагу. Рабство привычки не уважает кадровые процедуры.

В три часа он начал разбирать рабочие файлы. Папки назывались «Retention_Q4», «Winback_final», «Soft_return_chain», «Dormant_users_reactivation», «Personal_growth_segment». Всё это вдруг выглядело как архив чужих заговоров, в которых он был не жертвой, а младшим соавтором. Он переносил документы в общую папку, писал комментарии, оставлял инструкции. Инструкции к собственному исчезновению с рабочего места. Кто продолжит проект. Где лежат тексты. Какие гипотезы не проверены. С кем связаться. Что важно не потерять. Мир любил передачу дел: она создавала иллюзию, что человек заменим аккуратно, без крошек.

Даня прислал в чат личное сообщение: «Не забудь украсть ручку. Иначе увольнение не считается». Павел посмотрел на свою ручку — дешёвую, синюю, с логотипом компании. Положил в рюкзак. Потом достал и вернул на стол. Потом снова положил. Это была жалкая, смеш-

ная, почти священная борьба с сувениром. В конце концов оставил в рюкзаке. Пусть будет вещественное доказательство, что из системы можно вынести хотя бы канцелярскую мелочь.

Лене он написал только вечером: «Я подал заявление». Она ответила не сразу. Эти минуты ожидания были хуже разговора с Кириллом, хуже HR, хуже взглядов коллег. Потому что работа могла заменить его другим сотрудником. Лена — нет. Не в смысле, что не могла найти другого мужчину. Могла, конечно. А в смысле, что их общая жизнь теперь должна была как-то пережить поступок, который он совершил один. Наконец пришло сообщение: «Поняла. Вечером поговорим». Потом ещё одно: «Я рада, что ты сказал мне сразу». И третье: «Но мне страшно». Павел смотрел на эти три сообщения и чувствовал, как внутри что-то опускается на землю. Не восторг, не облегчение, а тяжесть, которая, возможно, и была настоящей ответственностью. Свобода без чужого страха — детская фантазия. Взрослая свобода всегда задевает мебель в соседней комнате.

В конце дня Кирилл собрал короткую встречу по передаче задач. Никаких речей. Никаких «Павел был важной частью команды». Просто задачи, сроки, владельцы. Это было правильно. Почти жестоко правильно. Павел сидел в переговорке, где два дня назад увидел свою жизнь на семнадцатом слайде, и слушал, как его рабочее тело раскладывают на функции. Тексты — Дане. Исследовательские выводы — Оксане. Коммуникация с клиентом — Кириллу. Документация — в общую папку. Доступы — до последнего дня. Человек уходил, но его полезность аккуратно пересаживали в других. Компания была организмом без сентиментальности. Рана затянется. Может, останется маленький шрам в чате «стратегия», где ещё пару месяцев будут писать: «а где у Паши лежало?» Потом и это пройдёт.

После встречи Кирилл задержал его на минуту.

— Паш.

— Да?

— Я не знаю, правильно ли ты делаешь.

— Я тоже.

— Но раз уж делаешь — делай без красивой легенды. Не рассказывай себе, что все вокруг спят, а ты вышел из матрицы.

— Даня уже предупредил.

— Умный человек. Иногда.

Кирилл протянул руку. Павел пожал. Рука у Кирилла была тёплая, крепкая, обычная. Никакой роли в этот момент почти не осталось. Только два человека, один из которых уходил, а другой оставался и, возможно, когда-то уже выбрал остаться так давно, что выбор стал биографией.

— Удачи, — сказал Кирилл.

— Спасибо.

— И правда, возьми пару дней. Не для ресурса. Для себя.

Павел кивнул. На этот раз без внутреннего отчёта.

Когда он вышел из офиса, было уже темно. Не поздно, просто осень быстро выключала город, как экономный хозяин в пустой комнате. Павел стоял у турникета с рюкзаком на плече. Бейдж всё ещё работал. Он приложил его. Писк. Зелёная стрелка. Разрешение на выход. Он прошёл и почему-то остановился в холле. За стеклянными дверями люди входили и выходили. Кто-то курил под козырьком. Кто-то смеялся в телефон. Кто-то ругался с такси. Никакой музыки. Никакого большого чувства. Его не накрыло свободой. Не отпустило. Не осенило. Он просто стал человеком, у которого через две недели не будет работы и прямо сейчас нет достойной фразы для этого состояния.

Телефон завибрировал. Мать.

«Лена сказала, что ты увольняешься. Это правда?»

Павел закрыл глаза. Конечно, сказала. Или мать сама спросила, или Лена проговорилась, или мир, как всегда, нашёл кратчайший маршрут для тревоги. Он хотел написать: «Да, мам, но всё нормально». Потом стёр мысленно ещё до того, как пальцы коснулись экрана. Всё не было нормально. И не обязано было притворяться.

Он написал: «Да. Я подал заявление. У меня нет нового места. Я понимаю, что ты будешь переживать. Я сам переживаю. Но я не хочу сейчас врать, что всё под контролем».

Ответ пришёл быстро. Удивительно быстро.

«Ты с ума сошёл?»

Павел посмотрел на фразу и вдруг почувствовал почти нежность. Вот оно. Без мягкого возврата, без «понятно», без материнской дипломатии. Чистый страх, вышедший на улицу в домашнем халате. Он сел на скамейку в холле бизнес-центра, среди людей, растений в больших горшках и рекламной стойки с предложением арендовать конференц-зал для мероприятия мечты. Написал: «Возможно». Потом стёр. Написал: «Нет». Стер. Наконец написал: «Я не знаю. Но я хочу попробовать не жить только из страха».

Мать не ответила.

Он убрал телефон. Вышел на улицу. Воздух был холодный. У входа стояли сотрудники «Навиума» и люди из соседних компаний, все одинаково подсвеченные вывесками, уставшие, живые, смешные, почти родные. Он прошёл мимо них. Никто не повернулся. Никакой камеры сверху не отъехало, чтобы показать маленькую фигуру человека, покидающего крепость. Просто Павел Трофимов вышел из бизнес-центра, где провёл пять лет, и пошёл к метро, неся в рюкзаке украденную ручку, две недели отработки, страх Лены, ужас матери, молчание диспетчера и пустой участок жизни, который пока не был ничем заполнен.

У светофора он остановился. Красный. Рядом мужчина говорил в телефон:

— Да, конечно, я уже еду.

Павел посмотрел на него без презрения. Почти с сочувствием. Может быть, тот правда ехал. Может быть, хотел. Может быть, тоже когда-нибудь остановится посреди своего маршрута и не поймёт, кто всё это время нажимал за него кнопки. А может, нет. Не каждый обязан ломаться одинаково.

Загорелся зелёный. Люди пошли. Павел пошёл вместе с ними. Не против потока. Не над потоком. Просто рядом, чуть медленнее, с неприятной свободой в груди, похожей не на крылья, а на дыру от вынутого механизма.

На другой стороне улицы он достал телефон и открыл заметки. Хотел написать: «День первый». Потом передумал. Это уже был бы отсчёт, график, новый календарь, новая дисциплина. Он написал только:

«Сегодня я ушёл не к новой жизни. Я просто перестал делать вид, что старая ещё моя».

Постоял под вывеской аптеки, перечитал. Фраза была слишком гладкой. Слишком готовой для будущей цитаты. Он стёр её.

Экран стал пустым.

Павел улыбнулся. Пустой экран ничего не требовал. Пока.

Глава 5. Первый день без пользы

Последние две недели в «Навиуме» оказались не про уход, а про аккуратное исчезновение. Павел передавал файлы, писал инструкции, выгружал доступы, отвечал на вопросы, где что лежит, кому что обещали, почему в одной таблице три версии правды и какая из них была показана клиенту. Его рабочая жизнь, которая ещё недавно казалась сложной, липкой и почти неотделимой от него самого, вдруг начала раскладываться на папки, ссылки, комментарии и ответственных. Это было неприятно и полезно. Человек склонен думать, что без него всё развалится, потому что иначе трудно оправдать собственную усталость. Но ничего не разваливалось. Даня забрал тексты, Оксана — исследования, Кирилл — клиента, HR — его дату увольнения, бухгалтерия — остатки отпуска, служба безопасности — список доступов. Павел обнаружил, что компания умеет переживать человека примерно так же, как организм переживает выпадение волоса: заметно только самому волосу.

В последний день ему подарили кружку. Не торт, не речь, не неловкий букет, а кружку с надписью «Мягкий возврат — жёсткий характер». Даня, конечно. Все засмеялись. Павел тоже. Кружка была уродливая, белая, с криво напечатанными буквами и внутренней корпоративной шуткой, которая через месяц уже никому не будет смешна. Даня сказал: «Чтобы ты помнил, кто тебя испортил». Оксана обняла его коротко, без демонстрации чувств, как человек, который понимает цену лишнему давлению на чужой позвоночник. Кирилл пожал руку и сказал: «Не пропадай». Павел чуть не ответил: «Да, конечно», но успел остановиться и сказал: «Посмотрим». Кирилл услышал, усмехнулся и кивнул. В этом «посмотрим» было больше прощания, чем в любой речи.

Бейдж он сдал в пять сорок восемь. Девушка на ресепшене положила его в пластиковый контейнер, где уже лежали другие бейджи — чужие лица, чужие отделы, чужие уволенные версии людей. Павел почему-то ожидал, что почувствует что-то в момент сдачи. Облегчение, страх, торжественную пустоту, хотя бы лёгкое покалывание исторического значения. Но почувствовал только, что шея стала свободнее на несколько граммов. Ничтожная свобода, почти оскорбительная. Пять лет жизни, тысячи сообщений, сотни встреч, бесконечные «да, конечно», квартальные цели, переработки, премии, ночная тревога, чужие презентации — и физически это весило как пластиковая карточка на синей ленте.

Дома Лена встретила его не празднично. И правильно. Празднование увольнения без нового места выглядело бы как тост за пожар, пока дом ещё горит. Она купила пирожные — два маленьких, в бумажной коробке, и сказала: «Не знаю, с чем тебя поздравлять, но что-то надо отметить, иначе будет совсем похоже на похороны». Они съели пирожные на кухне. Павел рассказал про кружку. Лена рассмеялась, потом вдруг заплакала. Не громко. Просто сидела с вилкой в руке, и слёзы текли по лицу так неожиданно, будто кто-то внутри открыл кран, не спросив хозяйку.

— Я не из-за тебя, — сказала она сразу, хотя было понятно, что как раз из-за него тоже. — Просто страшно.

— Мне тоже.

— Я знаю. Но твоё страшно сейчас большое, философское, с внутренними диспетчерами. А моё — тупое. Аренда, продукты, счета, что будет через три месяца, не начнёшь ли ты ненавидеть меня за то, что я хожу на работу, пока ты пытаешься не быть полезным.

— Я не буду.

— Ты не знаешь.

Он хотел сказать, что знает. Потом не сказал. Они уже слишком много лет жили на фальшивых гарантиях, чтобы продолжать поставлять их друг другу из вежливости. Он только взял

её за руку. Она не убрала. Это было не прощение и не согласие, а временное перемирие пальцев.

В понедельник утром Павел проснулся в семь тридцать, хотя будильник не ставил. Тело, воспитанное работой, оказалось консервативнее отдела кадров. Оно не получило приказа отменить прежний режим и продолжало поднимать его, как сотрудника, который забыл, что больше не сотрудник. За окном был обычный рабочий день. Двор шумел мусоровозом, дверями машин, детскими голосами, собачьим лаем и женским криком: «Миша, быстрее, мы опаздываем». Мир, как выяснилось, не получил уведомления, что Павел вышел из гонки. Он продолжал бежать, стуча каблуками по лестницам, пища домофонами, прогревая двигатели, открывая кофейни, включая кассы, обновляя курсы валют и пробки.

Лена уже собиралась. В ванной шумела вода. Потом фен. Потом звук ящика, где лежала косметика. Павел лежал в кровати и слушал её утренний маршрут: ванная — шкаф — кухня — коридор — снова кухня — телефон — ключи — раздражённый вздох, потому что ключи всегда находились там, где должны были, и это почему-то злило сильнее. Раньше они собирались одновременно, мешали друг другу, спорили за раковину, обменивались короткими фразами, почти не глядя в лицо. Сегодня она двигалась в день, а он оставался лежать за его пределами.

— Ты спишь? — спросила она из комнаты.

— Нет.

— Завтракать будешь?

Он хотел сказать: «Не знаю». Слишком часто в последние недели он прятался в этом ответе, как в подъезде от дождя. Иногда честное «не знаю» действительно спасает от автоматической лжи. Но иногда оно просто перекладывает решение на другого человека.

— Буду, — сказал он.

— Сам сделаешь?

— Да.

— Хорошо.

Она вошла в спальню, застёгивая серьгу. В деловой чёрной водолазке, с собранными волосами, с лицом человека, который уже мысленно спорит с подрядчиком и выбирает, кого сегодня не убить из соображений бюджета. Павел вдруг почувствовал зависть. Не к работе Лены, не к её усталости, не к заказчикам с «минимализмом, но богато». К тому, что у неё был день, который знал, зачем пришёл.

— У тебя какие планы? — спросила она.

Вот оно. Планы. Слово, которое всегда входило в комнату в чистой обуви и сразу начинало расставлять мебель.

— Хочу ничего не планировать, — сказал Павел.

Лена посмотрела на него так, будто он попытался оплатить коммуналку метафорой.

— Это тоже план.

— Знаю.

— Паш, я не придираюсь. Просто... ты сам понимаешь.

— Что?

— Что пустота быстро начинает врать. Сначала кажется: я свободен. Потом ты три часа смотришь в телефон, ешь хлеб над раковиной и называешь это поиском себя.

— Очень конкретный сценарий.

— Я знаю мужчин.

— Всех?

— Достаточно.

Он сел на кровати. Простыня была помята, подушка Лены ещё хранила вмятину от головы. На тумбочке лежала книга, которую он начал месяц назад и не дочитал, потому что там герой уже на двадцатой странице понимал себя лучше, чем Павел за тридцать пять лет.

— Я попробую просто прожить день, — сказал он. — Без пользы.

Лена молчала пару секунд.

— Хорошо. Только без пользы — не значит без ответственности.

— Я помню.

— Купи хлеб. И оплати интернет, пожалуйста. Там сегодня последний день.

Он рассмеялся.

— Первый день без пользы: хлеб и интернет.

— Добро пожаловать в духовность с абонентской платой.

Она подошла, поцеловала его в лоб. Поцелуй был быстрым, почти материнский, но не унижительный. В нём было: я ухожу в мир, где всё ещё надо отвечать, а ты остаёшься в мире, который сам себе устроил, и я пока не знаю, люблю ли я твою смелость или хочу ударить её мокрым полотенцем. Потом она ушла. Дверь закрылась. Квартира стала большой и странной, хотя метраж остался прежним.

Павел встал. Почистил зубы. Сделал кофе. Сжёл тост. Съел второй, нормальный. Оплатил интернет. Это заняло три минуты и создало ложное ощущение взрослой состоятельности. Потом купил хлеб в магазине у дома и вернулся. На кассе его спросили: «Пакет?» Он сказал: «Нет». Это уже перестало казаться революцией. Жизнь быстро приручает даже отказ.

В десять утра он сел за кухонный стол. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Бумага появилась сама собой: он нашёл блокнот в ящике с проводами, чеками, старой гарантией на чайник и батарейками неизвестной пригодности. На обложке было написано «Идеи». Внутри — три страницы старых рабочих заметок, список продуктов от января и фраза «позвонить стоматологу», после которой не было никаких доказательств, что он позвонил. Остальные страницы были пустые. Пустота опять смотрела вызывающе.

Павел взял ручку. Ту самую, украденную из «Навиума». Синюю, дешёвую, с логотипом. В этом было что-то правильное: писать план выхода из системы её канцелярским инструментом. Маленькое мародёрство на руинах собственной должности.

Он написал наверху:

«Год без достижений».

Подчеркнул.

Потом ниже:

«Правила».

И сразу понял, что сделал что-то опасное.

Но рука уже пошла дальше.

Не искать новую работу минимум месяц.

Не превращать паузу в проект.

Не вести блог об этом.

Не читать книги о продуктивности.

Не улучшать тело как доказательство, что я не разваливаюсь.

Не объяснять всем, что со мной происходит.

Гулять каждый день.

Делать простую работу руками.

Не брать деньги у Лены.

Не врать матери, но и не отчитываться.

Уехать из города хотя бы на месяц.

Не искать предназначение.

Не становиться лучше.

Не становиться хуже назло.

Проверять, чего я хочу, до того как соглашусь.

Список выглядел хорошо. Слишком хорошо. Почти красиво. В нём была дисциплина, ясность, внутренний дизайн. Он даже почувствовал облегчение: вот оно, форма. Хаос начал застёгиваться на пуговицы. Год без достижений получил структуру, а значит стал менее страшным. Павел посмотрел на пункты и вдруг представил, как через год рассказывает кому-нибудь: «У меня было пятнадцать правил». Человек напротив восхищённо кивает. Потом просит прислать список. Потом список превращается в пост. Потом в лекцию. Потом в курс. Потом Павел, бывший сотрудник отдела стратегий, стоит на сцене перед людьми, уставшими от продуктивности, и объясняет им, как правильно ничего не достигать. На экране за ним слайд: «Карта освобождения пользователя». Стрелки. Блоки. Пять причин, почему человек возвращается к себе. Пакет «Базовый», «Глубокий», «Годовой». Скидка до полуночи. Мы заметили, что вы давно не были свободны.

Ему стало физически противно.

Он встал из-за стола. Прошёлся по кухне. Вернулся. Сел. Посмотрел на список. Это был не выход. Это был новый отдел стратегий, только без зарплаты. Он снова пытался стать хорошим учеником — теперь хорошим учеником отказа. Соблюдать правила. Не достигать по графику. Отчитываться перед собой за отсутствие отчёта. Человек, который десятилетиями жил через оценку, не может просто выбросить оценщика. Он сначала переодевает его в свободную рубашку и называет внутренней честностью.

Павел взял ручку и жирно зачеркнул слово «Правила».

Потом зачеркнул все пятнадцать пунктов.

Получилось грязно, нервно, некрасиво. Бумага местами продавилась. Ручка почти порвала лист. Теперь список был похож не на манифест, а на протокол драки. Это понравилось ему больше.

Он перевернул страницу и написал одну строку:

«Сегодня не доказывать, что день прошёл правильно».

Сидел и смотрел на неё. Строка тоже была правилом, конечно. Но меньше. Не храм. Сарай. В сарае тоже можно переждать дождь.

К одиннадцати он уже не знал, что делать. Это открытие оказалось унижительным. Без работы день был огромный, как пустой ангар. В нём гулко отдавался каждый шаг. Павел вымыл посуду. Не потому что хотел помочь, а потому что посуда смотрела. Потом протёр стол. Потом разобрал ящик с проводами. Нашёл зарядку от телефона, которого у него уже не было шесть лет, три сим-карты, резинку, иностранную монету, чек из аптеки, старую флешку и ключ неизвестного происхождения. Ключи неизвестного происхождения — самая честная метафора взрослой жизни: что-то открывают, но ты уже не помнишь что, и выбросить жалко, потому что вдруг там всё ещё есть дверь.

Он включил ноутбук. Машинально открыл почту. Рабочая почта уже не открылась: доступ закрыли. На экране появилось холодное сообщение: «Ваша учётная запись недоступна». Павел перечитал несколько раз. Ваша учётная запись недоступна. Его не пустили к прежнему себе. Он ожидал боли, но почувствовал почти оскорблённое любопытство: как это — недоступна? Там же его письма, тексты, следы, рабочие шутки, папки, ночные правки, куски жизни. Но юридически всё это никогда не было его. Он просто пользовался собой через корпоративный доступ.

Он открыл личную почту. Там было письмо от сервиса вакансий: «Павел, для вас есть 43 новых предложения». Отлично. Система уже узнала, что он свободен, и прислала сеть. Он не открыл. Потом открыл. Просто посмотреть. На экране посыпались должности: стратег, продуктивный маркетолог, руководитель коммуникаций, менеджер по удержанию, директор по пользовательскому опыту. Зарплаты были хорошие. Некоторые очень хорошие. В одном объявлении требовался человек «с глубоким пониманием мотивационных сценариев пользователя». Павел засмеялся и почти откликнулся из спортивной злости. Представил, как приходит на собеседо-

вание и честно говорит: «Я слишком глубоко понял мотивационные сценарии пользователя, поэтому теперь хочу, чтобы пользователь убежал и не оглядывался». Возможно, его взяли бы. Современный рынок любил травмированных специалистов: они знали продукт изнутри.

Он закрыл вкладку. Потом открыл банковское приложение. Цифры были те же, что ночью, но днём выглядели менее философски. Деньги вообще имеют неприятное свойство возвращать любую метафизику к продуктовой корзине. Четыре месяца. Пять, если скромно. Шесть, если совсем скромно и если не сломается зуб, ноутбук, кран, жизнь или кто-нибудь из родственников. Он начал считать: аренда пополам, коммуналка, еда, связь, транспорт, помощь матери иногда, непредвиденное. Внутренний диспетчер ожил, вытащил калькулятор и сказал: ну наконец-то нормальная тема. Страх бедности был его любимым инструментом. Не самым грубым, но самым убедительным. Павел мог спорить с матерью, работой, городом, идеологией успеха. С цифрами спорить было сложнее. Цифры не повышали голос. Они просто стояли.

Он закрыл приложение и пошёл гулять.

На улице было одиннадцать сорок. Город находился в той странной дневной паузе, когда офисные люди уже рассосались по зданиям, вечерние ещё не вышли, а на улицах остаются пенсионеры, курьеры, мамы с колясками, ремонтники, безработные, студенты с плавающим расписанием и те, чью социальную категорию трудно определить с первого взгляда. Павел вдруг понял, что теперь внешне принадлежит к неопределяемым. В будний день мужчина тридцати пяти лет без сумки, без спешки, без явной цели вызывает у города лёгкое подозрение. В Москве взрослый человек, идущий медленно днём, либо болен, либо богат, либо потерян, либо работает в сфере, которую приличные люди не понимают. Павел не подходил ни под одну категорию достаточно уверенно.

Он шёл дворами, потом вышел к маленькому рынку возле станции. Там торговали овощами, носками, мёдом, дешёвыми куртками, рыбой, сыром, цветами, зарядками, домашними тапками и всем тем, из чего состоит жизнь без презентаций. У прилавка с яблоками пожилой мужчина спорил с продавщицей о цене так страстно, будто от трёх рублей зависело достоинство обеих сторон. Женщина в синей шапке выбирала мандарины, нюхая каждый, как сомелье отчаяния. Парень-грузчик курил за павильоном и смотрел в небо с лицом человека, который, возможно, уже понял больше многих коучей, но не собирается делать из этого вебинар.

Павел купил яблоки. Продавщица спросила:

— Сладкие дать или покислее?

Он растерялся. Вопрос был простой, но день уже сделал из него человека, подозревающего в каждом выборе идеологию.

— Разные, — сказал он.

— Разные — значит никакие, — отрезала она. — Вы определитесь.

Вот оно, подумал Павел. Даже яблоки требуют позиции.

— Покислее.

— Значит, живой ещё, — сказала продавщица и насыпала ему в пакет зелёных яблок.

— Почему?

— Сладкое все любят, когда уже совсем устали. Кислое — когда ещё сопротивляются.

Она сказала это без всякой философии, просто как человек, сорок лет торгующий фруктами и имеющий право на собственную классификацию человечества. Павел хотел спросить что-нибудь ещё, но за ним уже стояла женщина с тележкой и нетерпением. Он ушёл с пакетом яблок, чувствуя странную благодарность. Не за мудрость. За то, что кто-то оценил его состояние по яблокам, а не по резюме.

У выхода с рынка он увидел вывеску: «Требуется помощник. Оплата ежедневно». Маленькая бумажка, приклеенная скотчем к двери павильона с хозяйственными товарами. Ни дизайна, ни HR-бренда, ни описания ценностей компании. Просто требуется помощник. Оплата ежедневно. Павел остановился. Внутри павильона женщина лет пятидесяти расклады-

вала коробки с губками, перчатками, лампочками, тазами, вёдрами и другими предметами, которые не обещали стать лучшей версией чего-либо, но хотя бы помогали мыть пол.

Он вошёл.

— Здравствуйте.

Женщина подняла глаза.

— Здравствуйте. Вам что?

— У вас помощник требуется?

Она оглядела его быстро и точно: куртка не рабочая, руки офисные, лицо после внутренних приключений, пакет яблок, взгляд человека, который может спросить о смысле швабры.

— Требуется, — сказала она осторожно. — А вы кому спрашиваете?

— Себе.

— Вы работали в торговле?

— Нет.

— Грузить умеете?

— Не знаю.

— Что значит не знаю?

— Не пробовал.

Она фыркнула.

— Образование высшее?

— Да.

— Так и знала.

— Это мешает?

— Высшее? Нет. Лицо мешает.

— Что с лицом?

— Слишком думающее. Коробки от этого легче не становятся.

Павел неожиданно засмеялся. Женщина тоже чуть улыбнулась, но быстро убрала улыбку, чтобы не портить переговорную позицию.

— Мне на сегодня надо разобрать поставку, — сказала она. — Три часа. Плачу две тысячи. Неофициально. Без ваших этих договоров. Справитесь — хорошо. Не справитесь — тоже переживу.

— Сегодня?

— А когда? Через год без достижений?

Павел вздрогнул.

— Что?

— Я говорю: через год, что ли? — она прищурилась. — Вы странный какой-то.

— Есть такое.

— Странные тоже коробки носят. Только иногда медленнее.

Он посмотрел на свои руки. На пакет яблок. На павильон, заставленный бытовой химией и пластиком. На женщину, которая не собиралась удерживать его заботой, вовлекать в ценности или возвращать в привычный сценарий. Ей нужно было разобрать поставку. Просто. Грубо. Ясно.

Внутренний диспетчер немедленно открыл совещание: зачем тебе это, ты что, грузчик, у тебя высшее, спина, Лена что скажет, это поза, это демонстративно, ты романтизируешь простую работу, люди так выживают, а ты пришёл поиграть, это нечестно, лучше иди домой, составь бюджет, посмотри вакансии.

Павел постоял.

— Давайте, — сказал он.

— Что давайте?

— Попробую.

— Куртку снимайте. Яблоки туда положите. Только не на порошок, а то потом будете есть с ароматом «морозная свежесть».

Её звали Нина Валерьевна. Павел узнал это через полчаса, когда она кому-то раздражённо отвечала по телефону: «Нина Валерьевна я, а не девочка на побегушках». Поставка оказалась хуже, чем выглядела. Коробки были тяжёлые, неудобные, некоторые рвались, из одной высыпались губки, из другой — пластиковые щётки, которые смотрели на Павла разноцветной щетиной, как маленькие агрессивные животные. Он таскал коробки из подсобки, разрезал скотч, раскладывал товар по полкам, путал размеры перчаток, дважды уронил упаковку салфеток, один раз ударился плечом о металлический стеллаж и сказал слово, которое в его книгах, если бы он их писал, пришлось бы потом вымарывать для широкой аудитории.

Через сорок минут он вспотел. Через час начала болеть спина. Через полтора он перестал думать о смысле. Это оказалось главным. Тело, занятое коробкой, не производит красивых выводов. Оно требует: подними, повернись, не урони, поставь, дыши, вытри лоб, осторожно, там стекло. Никакой идентичности. Никакой карты удержания. Никакого внутреннего диспетчера, кроме простого: если возьмёшь криво, упадёт. Павел почти наслаждался этой грубостью. В офисе ошибка была абстрактной: просела конверсия, не сработала гипотеза, клиент недоволен, пользователь не вернулся. Здесь ошибка падала на ногу.

— Вы точно не из полиции? — спросила Нина Валерьевна, когда он ставил на полку ведро.

— Нет.

— А то ходят иногда. Проверки. Или журналисты. Один раз блогер был. Снимал, как живёт малый бизнес. Потом написал, что у нас «атмосфера выживания». Я ему сказала: у вас в голове атмосфера выживания, а у нас магазин.

— Я не блогер.

— Уже плюс. Сейчас все кто не грузчик, тот блогер.

— Я уволился.

— Поздравляю или сочувствую?

— Пока не знаю.

— Значит, нормально уволились.

Она сказала это так буднично, что Павлу стало легче. Никакой драмы. Люди увольняются, женятся, разводятся, болеют, меняют лампочки, таскают коробки. Не каждое событие требует хора.

— А раньше кем работали? — спросила она.

— В стратегии.

— В какой ещё стратегии?

— Ну... помогал компаниям понимать, как люди себя ведут.

— Зачем?

— Чтобы они чаще покупали, возвращались, оставались.

Нина Валерьевна посмотрела на него поверх коробки с тряпками.

— То есть вы людям мешали уйти.

Павел усмехнулся.

— Можно и так сказать.

— А теперь сами ушли?

— Да.

— Бывает. Сапожник без ног.

— Без сапог.

— Без разницы. Ноги важнее.

Она протянула ему коробку.

— Носите. Раз уж ушли.

К трём часам поставку разобрали. Павел был мокрый, пыльный, с красной полосой на запястье от картонного края и удивительно пустой головой. Нина Валерьевна дала ему две тысячи наличными, без конверта, просто купюры из кассы.

— Нормально, — сказала она. — Медленно, но не мерзко. Завтра не надо. Послезавтра, может, надо будет. Телефон оставите?

Павел оставил. Это было странно: его номер теперь лежал не в базе кандидатов, не в CRM, не в списке команды, а на клочке бумаги у женщины, торгующей тазами.

— И вот, — она сунула ему пачку губок. — Заберите.

— Зачем?

— Дома пригодится. Вид у вас такой, что дома точно что-нибудь надо отмыть.

Он взял губки. Хотел отказаться, но не стал. Не всякое принятие — поражение. Иногда губки просто губки.

На улице он сел на лавку возле рынка. Руки дрожали от усталости. В кармане лежали две тысячи рублей. Не перевод, не оклад, не премия, не цифра в приложении. Бумажные деньги, заработанные спиной и неловкостью. Он достал одну купюру, посмотрел. Это было смешно и почти стыдно. Пять лет он обсуждал миллионы в бюджетах, проценты удержания, стоимость пользователя, прогнозы квартала. А сейчас держал две тысячи и чувствовал их вес, как под-росток после первой халтуры.

Телефон завибрировал. Сообщение от Лены:

«Как день без пользы?»

Павел посмотрел на пакет яблок, пачку губок, грязные руки, деньги, мокрую спину и павильон, где Нина Валерьевна уже ругалась с поставщиком по телефону.

Он написал:

«Случайно стал полезным».

Лена ответила почти сразу:

«Я так и знала».

Потом добавила:

«Только не превращай это в новую религию».

Он улыбнулся. Она была точно даже на расстоянии.

Дома Павел принял душ. Вода смывала пыль, пот и остатки офисной кожи. Под ногтями застряла грязь от картонных коробок. Он чистил её старой зубной щёткой и думал, что это, возможно, первый честный след дня. Не вывод, не инсайт, не фраза для заметок. Просто грязь, которая появилась потому, что он что-то носил руками.

Вечером они с Леной ужинали гречкой, салатом и чем-то рыбным, что Лена купила по дороге, потому что «надо есть нормально, даже если духовная революция». Павел рассказал про Нину Валерьевну, губки, коробки и яблоки покислее. Лена смеялась, но внимательно. Потом спросила:

— Тебе понравилось?

Он подумал.

— Не знаю.

Она подняла брови.

— Ладно. Честное «не знаю» засчитано.

— Мне понравилось, что я не думал.

— Опасная формулировка.

— Да. Я не хочу романтизировать чужую тяжёлую работу. Я три часа коробки потаскал и уже почти написал себе медаль на лбу.

— Хорошо, что замечаешь.

— Но было... чисто. В смысле, понятно. Поставил коробку — она стоит. Уронил — упала. В офисе всё время было как будто ничего нельзя потрогать руками, но всё тебя трогает.

Лена кивнула.

— Ты пахнешь складом.

— Это комплимент?

— Пока наблюдение.

После ужина Павел достал тот самый лист с зачёркнутыми правилами и показал ей. Лена долго смотрела. Провела пальцем по продавленным линиям.

— Злой лист.

— Да.

— Хороший.

— Я хотел сделать правила года.

— Конечно хотел.

— Почему «конечно»?

— Потому что ты человек, который даже хаос пытается записать в нормальном порядке.

— И что делать?

— Не знаю.

Он усмехнулся.

— Вот теперь ты злоупотребляешь.

— Может быть, — сказала она. — Но мне кажется, тебе не надо запрещать себе правила. И не надо строить из них храм. Можно просто смотреть, когда правило начинает командовать.

Павел посмотрел на неё. Иногда Лена говорила вещи, которые ему хотелось записать, но он уже боялся записывать всё, что звучит умно.

— Ты же понимаешь, — добавила она, — что год без достижений всё равно будет чем-то. Ты не сможешь сделать его совсем пустым. Ты живой. Ты будешь что-то делать, хотеть, бояться, ошибаться. Вопрос не в том, чтобы ничего не происходило. Вопрос в том, чтобы не отчитываться перед невидимой комиссией за каждое событие.

Невидимая комиссия. Вот это было хорошо. И страшно. Павел почти увидел её: длинный стол где-то внутри, за ним мать, отец, Кирилл, учительница, бывшие одноклассники, Лена, рекламный мужчина с идеальной улыбкой, банковское приложение, голос из подкаста, весь город в костюмах, и все они смотрят в его день, ставят оценки, сверяют показатели, спрашивают: ну что, Павел Трофимов, где результат вашего отсутствия результата?

— Я сегодня поймал себя на том, что хочу прожить день без пользы правильно, — сказал он.

— Получилось?

— Нет.

— Значит, день удался.

Они засмеялись. Негромко. Потом Лена ушла в душ, а Павел остался на кухне. Он взял ручку из «Навиума», открыл блокнот на новой странице. Сначала хотел написать про Нину Валерьевну. Потом про яблоки. Потом про две тысячи. Потом про невидимую комиссию. Рука зависла.

Он понял, что хочет составить отчёт о первом дне. Аккуратный, честный, глубокий. Что было. Что понял. Что почувствовал. Какие выводы. Что дальше. Внутренний диспетчер уже вернулся из короткого перерыва, сел за пульт, поправил наушники и предложил: ежедневная рефлексия, без фанатизма, десять минут вечером, это же полезно, это поможет не потеряться.

Павел закрыл блокнот.

Не из принципа. Просто на сегодня хватит.

Он вышел в коридор. Новые лампочки горели ровно и тепло. На полке лежала пачка губок от Нины Валерьевны. Рядом ключи, квитанция, пакет с яблоками. Квартира не стала свободной, просветлённой или новой. Она была той же: тесной, немного пыльной, живой, с

пятнами на стене и женщиной в душе, которая боялась его свободы, но всё ещё оставляла ему суп.

Павел взял одно зелёное яблоко и надкусил. Кислое. Неприятно живое. В челюсть ударила маленькая боль.

Он стоял посреди кухни, ел яблоко и ничего из этого не следовало. Ни вывода, ни обещания, ни плана, ни достижения.

Просто яблоко.

Просто вечер.

Просто человек, который в первый официальный день без работы всё равно оказался полезен, устал, заработал две тысячи, испугался денег, попытался составить правила, зачеркнул их, купил хлеб, оплатил интернет, принёс домой губки и впервые за много дней не знал, как правильно назвать то, что с ним происходит.

И, может быть, именно поэтому пока не испортил.

Глава 6. Женщина, с которой было удобно бояться

Лена боялась не бедности. Бедности она как раз доверяла больше, чем Павел: бедность хотя бы была конкретной, с понятными симптомами — просроченный платёж, пустая полка, дешёвый сыр, разговоры шёпотом возле банкомата, когда экран ещё думает, а ты уже чувствуешь себя виноватым перед машиной. Лена выросла не в нищете, но в той аккуратной пограничной зоне, где деньги всегда есть «на самое нужное», а самое нужное почему-то каждый раз оказывается предметом семейного суда. Новый пуховик? Можно, если старый совсем умер. Поездка? Можно, если не болеть до весны. Кружок рисования? Можно, но тогда без моря. У неё с детства было редкое умение: смотреть на любую мечту и сразу видеть под ней смету. Поэтому бедность она не романтизировала и не демонизировала. Она знала её запах — мокрые вареники на батарее, суп на три дня, мамино «мы справимся» с лицом человека, который уже посчитал, что не справится, но детям пока рано знать. Боялась Лена другого: что Павел назовёт свободой то, за что ей придётся платить своей устойчивостью.

Утром после его первого дня без работы она ушла раньше обычного. Не разбудила. Или разбудила слишком тихо, чтобы потом иметь право сказать: «Я не хотела тебя трогать». Павел открыл глаза уже после щелчка замка. В квартире стояла странная тишина, не пустая, а оставленная. На столе лежала записка: «Я на объекте. Хлеб есть. Губки не забудь убрать, они выглядят как символ твоей новой жизни». Рядом действительно лежала пачка губок от Нины Валерьевны, жёлто-зелёная, бодрая, оскорбительно практичная. Павел взял её, повертел в руках и поставил под раковину. Новая жизнь, если она вообще существовала, теперь начиналась с полки между средством для посуды и пакетами для мусора.

Он хотел написать Лене что-нибудь смешное. «Губки интегрированы в систему». Или «Переход на новый уровень бытовой осознанности завершён». Но не написал. Любая шутка с утра показалась попыткой задобрить воздух. Вместо этого он налил кофе, сел на кухне и вдруг понял, что скучает по её присутствию как по расписанию. Лена была не просто женщиной, с которой он жил. Она была важнейшей частью его навигации. По её утреннему лицу он понимал, насколько день опасен. По её вопросам — где он снова исчез из разговора. По тому, как она ставила чашку, — будет ли вечером ссора. По её молчанию — сколько правды накопилось в комнате. И теперь, когда он решил выйти из автоматического маршрута, выяснилось, что часть маршрута была ею. Не потому что она его удерживала. Хуже: потому что рядом с ней он чувствовал себя человеком, которого ещё можно объяснить.

Без Лены он был просто мужчина в квартире в десять утра во вторник. С кофе. Без работы. С пачкой губок под раковиной. С банковским приложением, которое лучше него знало, сколько продлится его философия.

Он открыл ноутбук, не чтобы искать работу — по крайней мере, так он себе сказал, — а чтобы «разобраться с финансами». Эта формулировка была приличной. Взрослой. Её можно было показать Лене, матери, внутренней комиссии и даже продавщице с рынка. Он сделал таблицу. Расходы: аренда, коммуналка, связь, еда, транспорт, лекарства матери иногда, недвижимое, бытовое. Доходы: ноль. Ноль выглядел неприлично. Не философски, не свободно, а как дырка в полу. Он попытался добавить «случайные подработки», но цифра рядом не появилась, потому что случайные подработки, в отличие от зарплаты, не приходят двадцать пятого числа с видом дрессированной собаки. Они появляются, если Нине Валерьевне привезли коробки. Или если кому-то нужен текст. Или если ты решишь, что твой год без достижений всё-таки может включать редактирование презентаций для людей, которых ты вчера мысленно покинул.

Внутренний диспетчер ожил сразу, как увидел таблицу. Он был в своей стихии. Расходы, риски, сроки, сценарии. Вот это разговор, сказал он, хватит уток и яблок, наконец-то вы вернулись к реальности. Можно составить три плана: консервативный, умеренный, аварийный.

В консервативном Павел ищет работу через месяц. В умеренном — через два. В аварийном — прямо сейчас, но делает вид, что выбирает. Можно урезать расходы. Можно не покупать кофе. Можно поговорить с Леной о временном перераспределении платежей, только очень аккуратно, чтобы не выглядело так, будто она стала инвестором его пустоты. Можно найти проект на фрилансе. Можно написать бывшему клиенту. Можно вести канал анонимно. Можно монетизировать опыт, но без слова «монетизация», например «делиться путём» — люди любят пути, особенно когда в конце ссылка на оплату.

Павел закрыл таблицу. Потом открыл обратно. Цифры никуда не делись. Закрывание файла, как выяснилось, не является финансовой стратегией.

В обед ему написала Нина Валерьевна: «Завтра сможете на два часа? Пришла поставка. Не героическая». Павел усмехнулся. «Смогу», написал он. Потом добавил: «Не геройски». Она прислала большой палец вверх. Ни смайлов, ни благодарности, ни «ждём вас». В этом был редкий вид уважения: человеку предлагают работу, а не смысл.

Лена вернулась в семь сорок. По звуку ключа Павел понял: день у неё был плохой. Хороший день открывает дверь иначе. Хороший день не бросает сумку на пол так, будто сумка сама виновата в людской тупости. Лена вошла в кухню, сняла пальто, повесила его на спинку стула, хотя обычно злилась, когда Павел так делал, и сказала:

— Если кто-нибудь ещё раз попросит меня сделать «воздушнее, но с характером», я начну брать деньги за убийство.

— Дороже, чем за дизайн?

— Убийство честнее.

Она налила воду, выпила стоя. Лицо у неё было бледное, губы сухие, под глазами тень. Павел вдруг увидел не «Лену, которая должна понять его кризис», а женщину после десяти часов чужих желаний. Женщину, которая весь день объясняла обеспеченным людям, почему нельзя поставить золотую раковину в маленький санузел и назвать это сдержанной элегантностью. Женщину, которая тоже продавала продолжение идентичности, только через плитку, свет, стулья и иллюзию, что правильно выбранная кухня сделает семью менее уставшей. Просто её манипуляции были материальнее и пахли строительной пылью.

— Есть хочешь? — спросил Павел.

Она посмотрела на него с подозрением.

— Ты готовил?

— Гречку.

— Это не готовил. Это вступил в переговоры с крупой.

— Переговоры прошли успешно.

— Тогда хочу.

Они ели на кухне. Гречка была слегка пересушена, овощи пережарены, но Лена ничего не сказала. Это было её милосердие и одновременно приговор: когда близкий человек перестаёт критиковать твою еду, он либо очень любит, либо очень устал.

— Что делал сегодня? — спросила она.

Павел почувствовал знакомый импульс составить отчёт. Сказать: оплатил, посчитал, договорился, гулял, думал, не искал вакансии почти. Упаковать день так, чтобы он выглядел приемлемо. Не пустой. Не паразитический. Не опасный.

— Считал деньги, — сказал он.

— И?

— Плохо.

— Насколько?

— Не катастрофа. Но и не санаторий.

— Конкретно, Паш.

Он назвал цифры. Лена слушала спокойно, но пальцы у неё легли на край стола и чуть сжались. Она всегда так делала, когда старалась не перебить. У неё вообще была дисциплина вежливости, которой Павел иногда завидовал. Его вежливость была трусливой, её — трудовой. Она могла быть резкой, но редко была нечестной.

— То есть через четыре месяца тебе нужно либо зарабатывать, либо возвращаться на работу, либо снижать расходы, — сказала она.

— Да.

— И ты завтра идёшь к женщине с тазами?

— На два часа.

— Это не заработок. Это жест.

— Пока да.

— Я не против жестов, Паш. Я просто хочу понимать, когда жест заканчивается и начинается план выживания.

Он положил вилку. Металл звякнул о тарелку слишком громко.

— Я не хочу сразу делать план.

— А я не хочу через два месяца проснуться с человеком, который не сделал план, потому что план был слишком похож на достижение.

Фраза была жёсткая. Но не несправедливая. Павел почувствовал, как внутри поднимается злость, та самая злость, которая всегда искала самый удобный выход через близкого человека. На Кирилла злиться было легко — начальник, система, слайды. На мать — привычно, но липко. На город — бессмысленно. На Лену — опасно и сладко: она рядом, она живая, она может ответить, она выдержит, а потом можно будет сказать, что она не понимает.

— Ты думаешь, я просто играю? — спросил он.

— Я думаю, ты не знаешь, где играешь, а где правда.

— А ты знаешь?

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

— Звучит как обвинение.

— Потому что ты привык слышать вопрос как обвинение.

Он замолчал. Это опять было точно. Проклятая её привычка иногда попадать не в спор, а в конструкцию.

Лена отодвинула тарелку.

— Я правда не хочу быть твоим врагом. Но я и не хочу быть зрителем, который хлопает, пока ты прыгаешь с крыши ради ощущения полёта.

— Я не прыгаю с крыши.

— Пока ты просто стоишь на краю и говоришь: «Интересно, кто я без лестницы».

Он невольно улыбнулся.

— Хорошая фраза.

— Не записывай.

— Уже поздно, я запомнил.

Она тоже улыбнулась, но тут же устала от улыбки.

— Паш, я тебя люблю. Это не отменилось от того, что ты уволился. Но мне страшно, что ты сейчас ищешь не себя, а место, где наконец никто ничего от тебя не попросит.

— А если я правда устал от просьб?

— Все устали от просьб.

— Вот.

— Нет. Не «вот». Жизнь состоит из просьб. Иногда любить — это тоже просить. И отвечать. И быть неудобным. И договариваться. Ты говоришь про автоматические «да», и я понимаю. Правда. Но есть ещё автоматические «нет», Паш. Они не лучше. Это тоже способ не присутствовать.

Павел посмотрел на неё. За окном в доме напротив кто-то включил яркий свет, и на секунду кухня стала похожа на сцену, куда случайно добавили лишний прожектор. Лена сидела напротив в сером свитере, с покрасневшими глазами, с вилок в руке, и вдруг стала не частью его жизни, а отдельным государством, у которого есть границы, климат, история, долги, страхи и право не быть завоёванным его свободой.

— Ты думаешь, я хочу сказать тебе «нет»? — спросил он.

— Я думаю, ты хочешь сказать «нет» всему, что напоминает обязательство. А я, к сожалению, напоминаю.

— Ты не обязательство.

— Конечно обязательство. Не только, но и. Любовь — это не только чувство. Это ещё календарь, деньги, стирка, семейные ужины, болезни, усталость, выбор дивана, моя дурная привычка оставлять стаканы у кровати и твоя дурная привычка исчезать в голове, когда я рядом. Я не хочу быть клеткой. Но я и не хочу, чтобы ты называл клеткой всё, что требует от тебя участия.

Он хотел возразить, но не нашёл, чем. Внутренний диспетчер не помогал: он отвечал за сохранение старой жизни, а не за честные разговоры. Старые ответы здесь не работали. «Ты всё усложняешь» было ложью. «Я просто хочу разобраться» было недостаточно. «Дай мне время» звучало как просьба о беспроцентном кредите из её терпения.

— Мне кажется, я не умею быть рядом без роли, — сказал Павел наконец.

Лена подняла глаза.

— Какой роли?

— Нормального мужчины. Надёжного. С планом. С работой. С будущим. Я всё время пытался быть тем, с кем тебе не страшно.

— И как успехи?

Он тихо засмеялся. Она тоже. Смех вышел печальным, но необходимым, как проветривание после ссоры.

— Плохо, — сказал он. — Тебе всё равно страшно.

— Потому что я живой человек. Мне будет страшно и с надёжным мужчиной. Просто с ненадёжным страшно разнообразнее.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Пауза стала мягче. Павел встал, убрал тарелки. Лена не помогала. Раньше он бы внутренне отметил это как несправедливость: она устала, понятно, но я тоже вообще-то в кризисе. Сейчас просто мыл посуду. Вода шумела, тёплая, мыльная. Губки от Нины Валерьевны лежали под раковиной, но он взял старую, потому что новые почему-то казались слишком символическими для обычной грязной тарелки.

— Я сегодня думал, — сказала Лена за спиной, — что мы с тобой, наверное, давно живём не из любви, а из привычки бояться одного и того же.

Он выключил воду. Не повернулся сразу.

— Чего?

— Не знаю. Остаться одному. Не успеть. Ошибиться. Понять, что выбрали не того человека, но уже вложили много лет. Стать теми людьми, которые расстаются спокойно, а потом всю жизнь проверяют, кто первым выложил фото с новым счастьем.

— Ты думала об этом сегодня на объекте?

— На объекте женщина сорок минут выбирала ручки для шкафа. У меня было время ненавидеть человечество и размышлять о личном.

Павел вытер руки полотенцем. Сел обратно.

— Ты хочешь расстаться?

Лена закрыла глаза. На секунду он увидел, как она устала не от вопроса даже, а от того, что вопрос наконец получил право быть произнесённым.

— Я не знаю, — сказала она. — И это не красивое «не знаю». Это мерзкое. Липкое. Я люблю тебя. Мне хорошо с тобой иногда. Мне смешно с тобой. Я злюсь на тебя так, как умеют злиться только на близких. Я знаю, как ты чистишь мандарины, как врёшь по телефону матери, как делаешь вид, что слушаешь подкаст, а сам думаешь, как оплатить стоматолога. Я знаю, что у тебя на спине родинка, которую ты всё время забываешь проверить. Я знаю, что ты можешь быть нежным, когда перестаёшь объяснять. И ещё я знаю, что рядом с тобой я последние два года как будто жду, когда ты вернёшься откуда-то, хотя ты сидишь в соседней комнате.

Павел смотрел на неё и чувствовал, как в нём что-то медленно проваливается. Это была не обида. Обида проще: она даёт позу, угол, возможность защищаться. Здесь защищаться было не от чего. Лена не обвиняла его в отсутствии любви. Она говорила страшнее: ты был здесь, но не жил здесь.

— Я не знаю, как вернуться, — сказал он.

— Может, не ко мне сначала.

Он поднял глаза.

— А куда?

— В себя. Прости, звучит как плохой психологический календарь. Но я не знаю, как иначе сказать.

— И если я вернусь, а там нет нас?

Лена посмотрела на стол. Потом на него.

— Значит, хотя бы перестанем держать друг друга как запасной выход.

Вот оно. Запасной выход. Павел почувствовал, как фраза входит под кожу и остаётся там. Он вдруг увидел их отношения как здание, где оба давно не жили в комнатах, а стояли у аварийных дверей: если работа станет невыносимой — есть Лена; если одиночество накроет — есть Павел; если мать слишком давит — есть общая квартира; если будущее пугает — есть диван; если любовь не ясна — есть привычка; если хочется уйти — есть страх, что снаружи хуже. Они не удерживали друг друга насильем. Они удерживали друг друга возможностью не падать в пустоту.

— Я не хотел делать тебя запасным выходом, — сказал он.

— Я знаю.

— Но сделал?

— Мы оба сделали.

Это «мы» было щедрым. Возможно, слишком щедрым. Павел не стал спорить.

На следующий день он пошёл к Нине Валерьевне. Поставка действительно была «не героическая»: несколько коробок с пластиковыми контейнерами, тряпками, перчатками и какими-то странными складными тазами, которые выглядели как результат тайного романа между ведром и гармошкой. Нина Валерьевна была в красной кофте, с карандашом за ухом и лицом человека, который уже два раза с утра победил поставщика, но война продолжается.

— Опоздали на три минуты, — сказала она.

— Извините.

— Да мне всё равно. Просто решила вас потревожить. А то у вас вид человека, которого надо иногда возвращать в реальность.

— Это платная услуга?

— Для вас входит в смену.

Он таскал коробки и думал о разговоре с Леной. Работа руками снова помогала, но уже не спасала полностью. Мысли всё равно просачивались между контейнерами и упаковками салфеток. Лена как запасной выход. Он как запасной выход. Любовь как совместная эвакуационная схема. Некрасиво, но слишком похоже.

— Женщина? — спросила Нина Валерьевна, когда он уронил коробку с губками.

— Что?

— Говорю, женщина у вас в голове. Не работа же. Работу мужчины так не роняют. Работу они роняют иначе.

— Как?

— С гордостью. А тут виновато.

Он поднял коробку.

— Есть женщина.

— Всегда есть. Даже когда нет, есть.

— Мы, возможно, расстаёмся.

— Возможно — это хуже всего. Или расходитесь, или живите, или убейте друг друга морально и успокойтесь. А «возможно» только продукты портит.

— Вы всегда так поддерживаете?

— Я не поддерживаю. Я стою в магазине. Поддерживают бюстгальтеры и государственные программы, да и то плохо.

Павел засмеялся. Нина Валерьевна достала из коробки упаковку салфеток и начала выставлять на полку.

— Чего расходитесь?

— Я уволился. Хочу год без достижений.

Она медленно повернула голову.

— Чего?

— Ну... не гнаться ни за чем. Не строить карьеру. Не становиться лучше. Понять, чего я хочу.

— А она?

— Что она?

— Она тоже хочет ваш год без достижений?

Павел молчал.

— Вот, — сказала Нина Валерьевна. — А то мужики любят: «я ищу себя». А женщина в это время ищет, где дешевле стиральный порошок. Не потому что дура. Потому что носки сами духовный путь не проходят.

— Я не хочу на неё всё сваливать.

— Не хотите — не сваливайте. Это не чувство, это действие.

Она поставила салфетки ровным рядом.

— И ещё скажу. Только вы не обижайтесь, я вам не мать.

— Уже плюс.

— Если человек рядом с вами боится, нельзя говорить ему: «Не бойся, я ищу смысл». Это как горящему дому читать лекцию про природу огня. Либо тушите, либо честно говорите, что тушить не умеете.

Павел взял следующую коробку. Она была лёгкая, почти пустая, но почему-то держал он её осторожно, как что-то бьющееся.

После работы Нина Валерьевна дала ему тысячу пятьсот и сказала, что больше пока не надо. Потом добавила:

— Идите к своей женщине. Только без умных фраз. Женщины от умных фраз устают быстрее, чем от бедности.

— Что говорить?

— Правду. Но коротко. Мужчины, когда начинают правду длинно, обычно уже врут.

Он вышел на улицу. День был серый, с влажным ветром. У рынка женщина продавала цветы из ведра. Розы, хризантемы, какие-то мелкие жёлтые штуки, похожие на солнечные обломки. Павел остановился. Купить цветы? Это было слишком очевидно. Слишком похоже

на попытку загладить. Не купить — тоже поза. Он стоял перед ведром так долго, что продавщица спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.